

Зинзивер № 6 (144) 2024

**2024
Санкт-Петербург**

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН. Я счастлив был. Стихотворения	6
Игорь ГРИГОРОВ. Остановится у пяти углов. Стихотворения	13
Гавриил МАРКИН. Вид из окна. Стихотворения	22
Евгений СТЕПАНОВ. Когда за шестьдесят. Стихотворения	33

ПРОЗА

Дмитрий АРТИС. Как настоящие солдаты. Рассказы	35
Денис ЛИПАТОВ. Тень на Луне. Рассказ	54

ШТУДИИ

Алексей ТУМАНСКИЙ. Обнаженные души в метафизическом контексте. О прозе Александра Давыдова. Статья	60
---	----

РЕЦЕНЗИИ

Гавриил Маркин, «Ремесло невидимости и оборотничества» (Александр БАЛТИН) Нина Краснова, «Поэтика Евгения Степанова на примере книги "Младший брат травы"» (Александр БАЛТИН)	69
---	----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом! Здоровья вам и новых творческих успехов! И, конечно, мирного всем нам неба над головой!

Пусть процветают Союз писателей XXI века, ПЛК (Профессиональные Литературные Курсы), телеканал и телекомпания «Диалог», холдинг «Вест-Консалтинг», Дом творчества «Сосновый Пегас» — наша большая и дружная семья!

Издательская деятельность, конечно, по-прежнему для нас на первом месте. И мы не намерены сбавлять обороты.

В следующем году мы планируем выпустить порядка ста книг — это и стихи, и проза, и мемуары, и научная литература. Это наш традиционный ежегодный план.

Периодичность выпусков наших изданий на 2025 год такова:

«Зинзивер» — шесть номеров в год; «Дети Ра» — шесть номеров в год; «Футурум АРТ» — два номера в год; «Зарубежные записки» — два номера в год. Что касается наших газет, то периодичность «Литературных известий» не изменится — двенадцать номеров в год. Газета общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка», которая верстается в издательстве «Вест-Консалтинг», и газета «Поэтоград» в 2025 году также будут выходить ежемесячно.

Журнал «Зинзивер», как всегда, будет ориентирован, прежде всего, на Санкт-Петербургскую литературу. Однако и достойным авторам из других регионов мы, конечно, найдем место на страницах нашего издания.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ
издатель и главный редактор журнала «Зинзивер»,
руководитель холдинга «Вест-Консалтинг»
и Союза писателей XXI века

Поэт, прозаик. Родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Школу и историко-филологический факультет пединститута окончил в Улан-Удэ. С 1986 года работал в журнале «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2015 год. Автор многих поэтических книг и публикаций. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. Заместитель председателя приемной комиссии СП России. Живет в Москве.

АКВАРЕЛЬ

В осенний вечер, в тихий дом
На теплый зов огней
Вошла, пропахшая дождем,
И встала у дверей.

По рукавам текла вода
И по лицу текла.
И, словно мутная слюда,
Порожек запекла.

И горячо гудела печь,
И пили красный чай.
У ней платок спустился с плеч
Как будто невзначай.

И все манил к себе огонь,
И стягивалась мгла,
И половица — только тронь —
Вздыхала у стола.

И пел огонь, — она лгала,
Он пел, — она лгала.
И все же не было тепла
Теплей того тепла.

Потом она открыла дверь,
Потом совсем ушла,
Как будто смыли акварель
Или слеза взошла.

РАССТАВАНИЕ

Улыбкой дерзкой не играй.
Я стал спокойнее и тише.
Прости, хорошая, прощай,
Ведь без любви душа не дышит.

Я не желаю слов пустых
И приключений невзначайных.
Кто сердцем женщину постиг,
Судьбу прочтет в глазах печальных.

Немало я наворотил,
Набедовал, накуролесил!
Водил девчонок, водку пил.
Я сам себе не интересен!

И ты меня не обнимай.
Ночной проспект огнями вышит.
Прости, хорошая, — прощай! —
Ведь без любви душа не дышит.

* * *

Смейся всем — ничуть не заревную.
Нет любви. А день суров и сер.
Выпил рюмку, выпью и другую:
Я ведь русский, не какой-то «гер».

У тебя глаза, конечно, — вишни.
Ну, красива! Ну, и хороша!
Только смейся, милая, потише,
У тебя ж не пьяная душа.

Ни к чему нам петь и обниматься,
Задыхаясь в страсти гулевой.
Нет любви, так хоть налюбоваться,
Хоть налюбоваться мне тобой.

* * *

Как рассказать тебе, что я
Ни с кем тебя не предавал,
Что мне приятна грусть твоя,
Припухших губ твоих овал?

Да, были женщины, и я
Не мог сдержать свой жаркий пыл.
Но верь, любимая, что я
Другую вовсе не любил.

Я изменял?
 Не изменял!
Но был с другой?
 С другою — был.
Весна. Распутица. Вокзал.
Но и с другой — тебя любил.

* * *

У нас на калине смеются синицы,
Но давят зарю облака.
Зачем же слеза у тебя на ресницах,
Ведь я не уехал пока?

Прости, что достал я дорожную сумку.
Пройдемся с тобой у реки,
Где птичьих следов кружевные рисунки
И тычутся в берег мальки.

Куда заведут поцелуи с тобою,
В какой охмуряющий мед?
И кружится туча, как дым над трубою,
И дождик по лесу поет.

Любимая, чувствуешь, дождичек студит
Дорогу, ведущую нас.
Что было — то было, что будет — то будет,
А есть только то, что сейчас.

* * *

Дождь! Барабан! Держись, дорога!
Смotaет всю тебя в клубок!
Сороки помахали стогу
И скрылись в реденький лесок.

И что за музыка явилась,
И засияла, проходя!
Трава и та, как сердце, билась
В объятьях страстного дождя.

От поцелуев капель звонких
Робели нежные цветы.
И дождь шумел, и в струях тонких
Из музыки явилась ты.

Смеясь, счастливая, босая
Ко мне бежала у берез.
И дождь все шел, не угасая —
Хватало музыки и слез.

* * *

И что тут поделаешь? Ну не клюет!
Наверное, рыба ушла под коряги.
Зато я услышу, как ветер поет.
И желтые листья трепещут, как флаги.

Зато я увижу: летит тишина
На тонкой и чуткой, как жизнь, паутинке.
Зато меня встретит сегодня жена
В любимой моей васильковой косынке.

И спросит, конечно: хорош ли улов
И где я так долго бродил на рассвете?
А я наберу на лугу васильков,
Чтоб разом на все ей вопросы ответить.

И вынесет Таня бидон молока,
И сядем под яблоней неторопливо.
И рыбами вдаль поплывут облака.
— Да вот она, рыба-то, вот она — рыба!

* * *

Я счастлив был. Но разве знал об этом?
Деревня, братья, бабушка, и дед,
И вся родня. В саду плескалось лето.
Запела мама и отец вослед.

Я счастлив был. Друзья мои, подружки,
Я помню и костры, и рюкзаки.
Мы пили пьяный дождь из мятой кружки,
Нам плечи наливали марш-броски.

Я счастлив был. Мы клеили обои.
И медленной улыбкою скользя,
Ты наблюдала, милая, за мною:
Не так, мол, клеишь, пальчиком грозя.

Я счастлив был, а вот не понимал,
Что счастье — это утро, сеновал,
Пылинок танец в солнечных лучах,
Слиянье губ и трепетный очаг,
Подтаявшие звезды на заре,
Пеленки на веревке во дворе
И воробьиный щебет у окна...

А в зеркало вгляделся —
Седина.

* * *

Я возьму с собою в зиму
Дымку глаз твоих озимых,
Перстенок росы на ветке,
Взгляд сосны из-под ресниц,
Гимны грома и дубравы,
Плач волны у переправы,
Мотылька огня лампы,
Охи-ахи половиц,
Лай собачий — дальний-дальний,
Огонек во тьме печальный
И шмеля в боярской шубе, —
Пусть покажет свой басок.
Будут мне светить всю зиму
Дымка глаз твоих озимых,
Огонек во тьме печальный
И на ветке — перстенок.

* * *

Ты знаешь, помнишь: утром алым —
Жар припеченых дремой щек,
И луч — над пьяным одеялом,
И губ не выпавшихся шелк.

Потом боры нам гимны пели,
Цветы бежали через луг.
О, боже, как они хотели
Коснуться ног твоих и рук!

И пучеглазые стрекозы,
Смеясь, летели в краснотал.
И тучи били шапки оземь,
И дождь под липами стоял.

Клубилось небо, расступалось,
Смотрелась в лужи синева.
И ты смеялась все, смеялась —
Еще со мной, еще жива...

* * *

Привет тебе, калина под окном!
Алеет шаль твоя, укрыла плечи.
Ты так нежна, как только перед сном
Моя родная, что теперь далече.

Так далеко, что холодно душе,
И никакая песня не поется,
Так далеко, что никогда уже
Она меня любовью не коснется.

Калина, помнишь, ты встречала нас,
Смеясь, шуршала юбкою зеленой.
Смотрели звезды миллионом глаз —
На нас смотрели — нежно и влюбленно.

Ты видела улыбки наших дней
И подпевала в праздничных застольях.
И потому теперь еще сильнее
Твоя судьба с моей сроднилась болью.

И если раньше в звездную печаль
Ты улетишь, скажи, что я — тоскую,
И подари моей любимой шаль.
Она носила точно же такую.

* * *

памяти Т. Ю.

Все, словно бы, подернулось ледком:
И сад, и синь, и солнце за окном.

Присмотришься — ничто не изменилось.
Степенно дом оглядывает сад.
За банькой — тень и утренняя сырость,
И ветерки соломою шуршат.

На бельевого веревке спят стрекозы.
Играет с солнцем в прыгалки река.
И муравьи, как прежде, по березе
Бегут, бегут куда-то в облака.

* * *

Люблю я под вечер спуститься
К малиновой, теплой реке.
Заря пролетает, как птица
И волны поют на руке.

Кукушка, туман и лодчонка,
И сосны — в закатном меду.
И с самой красивой девчонкой
Я к дому по лугу иду.

Цветы улыбаются Тане,
И мне, и смиренным стогам.
И светит великая тайна,
От неба плывущая к нам.

Уж звездами ночь колосится.
Хмелит поцелуев вино.
И счастье все длится и длится...
Давно это было. Давно!

Поэт. Родился в г. Арсеньев Приморского края. Окончил Ленинградский горный институт. В настоящее время генеральный директор ООО «Севергеосервис». Живет в Архангельске. Член Союза писателей XXI века с 2013 года.

ОСТАНОВИТЬСЯ У ПЯТИ УГЛОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вернуться — после долгих лет, зимой
В тот град, что славен белыми ночами,
Оставив путь далекий за плечами
Пред самой новогодней кутерьмой.

Остановиться у пяти углов,
Вдыхать твой воздух, полный снежной пыли,
Настоянный на хвойных иглах шпилей
И яблоках высоких куполов.

Здесь все, как прежде: облачная хмарь,
А вот атланты выглядят устало,
И, повстречав аптеку у канала,
Ты знаешь: рядом должен быть фонарь.

Светает поздно, но печали нет:
Мед фонарей к утру еще янтарней,
Откроются кафешки и пекарни
И запах кофе выплеснут в рассвет,

И будут в радость даже холода.
Прощаясь с ним, как с новогодней елкой,
Ты обещаешь: это ненадолго,
И уж наверняка — не навсегда...

ПУТЕШЕСТВИЕ

Бывает так, что сердце застучит,
Как шпильки старшекласниц в переулке
Или трещотка флюгера в метель, —
И вот уже знакомые врачи
Рекомендуют пешие прогулки,
Скрывая эротическую цель.

А для тебя ходьба — как мир иной,
(Так от Печоры далека Онега),
Но, выполняя дружеский совет,
Ты движешься в ближайший обувной
И выбираешь тапочки для бега,
Сурово отвергая белый цвет.

А после — обживаешь ближний сквер,
Как ближний свет. Приобретаешь карту,
Изобретаешь правила игры,
Шаги считаешь, лодырям в пример,
И, офисну подобен Бонапарту,
Воюешь виртуальные миры,

Начав, конечно, с Польши. Учишь польский,
«Пшепрашем, пани». Путь, бесспорно, скользкий —
По берегам не столь пустынных волн:
Не помогает древнеримский опыт,
Когда идешь по краешку Европы,
Оставив одесную Корнуолл.

Ты продолжаешь двигаться, и твой
Сурок свистит Take five, глотая такты —
То птичья трель, то колокольный звон.
И ты, шурша осеннею листвою,
Свернешь за край ракушечного тракта,
Чтоб наконец увидеть Лиссабон.

Тебя встречает море, чаек крики.
Что ты Энрике, что тебе Энрике?
Луна — скорей эскудо, а не грош,
И ты целуешь на прощанье польку,
«Пшепрашем, пани». Пред тобою только
Атлантика, и ты по ней идешь.

О ДЫРЕ В КАРМАНЕ

В кармане вновь дыра, и некогда заштопать.
А за окном вчера убили старый тополь.

Пролаяла пила — и кроной о поребрик.
В нем не было дупла, но был он очень древним.

Звон ангельской трубы и радостен, и ясен.
Пожалуй, тополь был действительно опасен,

В осенний час огня казался небу ровней...
А крона у меня сейчас еще огромней.

И мне моя страна не слишком мягко стелет.
В небесных письменах осенних свиристелей —

Все прошлые века. А в небе — вот обидно —
Такие облака, что ангелов не видно,

И дней — наперечет, и время в бездну канет...
Вселенная течет через дыру в кармане,

Туда, где есть земля — ей грежу наяву я —
Где вечны тополя, и пил не существует...

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ РОМАНС

Забытый Богом город, лес и речка,
Гостиницы высокое крылечко —
Пейзаж, в который просится овечка.
Свершив свои великие дела,
Ты был бы рад проститься с краем света,
Но не добыл обратного билета, —
Ни лошади, ни лодки, ни весла.

Вотще — аллегорические жесты,
Рассказы про Хабаровск. В ритме presto
Здесь не живут. Ну что ж, подобно местным,
Гляди, как, выпив солнце из ручья
И ни к кому особенно не ласться,
Гуляет псина шариковой масти —
С ошейником, но, видимо, ничья.

На вес наживки ценящие слово,
Беседуют три верных рыболова,
Чья жизнь вполне прекрасна и без клева:
Их диспут о размерах поплавок
Основан сплошь на прецедентном праве.
Шуршит под каблуком нездешний гравий.
Дворняжий взгляд опаслив, но лукав.

Замешанный на чистом перламутре,
Водоворот свои бормочет сутры.
Восточное улыбчивое утро
Торгует апельсинами с колес,
В живой реке горит вода живая,
И луковица солнца вызывает
Поток немотивированных слез.

Глядишь на дивный свет в девичьих лицах.
Захочешь вдруг остаться и жениться.
Подумаешь: ну что тебе столица?
Скажи, на кой тебе все это, черт,
За сколько тетрадрахм ты бьешься насмерть?
Подумаешь... Вдохнешь, проверишь паспорт
И вызовешь такси в аэропорт.

ЗАВОДЬ

Заповеданной чащей, где плачет слезами людскими
Малахитовый мох, прорастающий сквозь рапакиви,
Не спеша привыкая к смолистому вкусу свободы,
Ты идешь, по-звериному чуя открытую воду,

И выходишь к реке. Видишь — заводь, кувшинки, стрекозы
Мельтешат над водой, стрекотание в многоголосый
Хор лягушек, подслушанный Аристофаном, вплетая.
Камышовая юбка сидит на реке, как влитая.

Ты поймешь, что достаточно прожил заботой вчерашней,
Срубишь дом из звенящего леса, возделаешь пашню,
Вспомнишь песни, что Господом были тебе недопеты,
И забудешь, зачем тебе две полустертых монеты —

Разве сплющить в блесну, чтоб потом привораживать рыбу,
Ту, что чертит окружности четче, чем люди могли бы,
Разрезая поверхность уснувшей реки плавниками,
Глядя в зеркало заводи из своего зазеркалья.

ЗАРИСОВКА

Квартира с видом на речной вокзал:
Прохладно даже в жаркую погоду.
Раскрыв иллюминаторов глаза,
Трамвайчики винтами пенят воду,

Уносит ветерок обрывки слов,
Волна шлифует каменные глыбы,
А чуть вдали счастливый рыболов
Глаза таращит на большую рыбу.

У рыбы чешуя, как жар горит,
И кажется — еще всего полшага,
И рыба с рыбаком заговорит,
Пообещает всяческие блага,

Мол, есть и золото, есть и серебро,
Чего ни пожелай — готова слушать...
А рыба вдруг распяливает рот —
И тишина закладывает уши.

КАРУСЕЛЬ

Может, позже и покажется странным,
Что когда-то было все в нашей власти:
К нам слетали чудеса на ресницы,
Ты считал, что карусель — просто транспорт,
Что готов тебя подбросить до счастья —
Как же славно с ветерком прокатиться!

Налегке, не обгоняя друг друга, —
Пусть внизу слегка волнуется мама,
Пусть смеется солнце клоуном рыжим,
И сначала все по кругу, по кругу,
А потом уже все прямо да прямо,
А уж после-то все выше и выше.

Что потом? Потом становится важным
У судьбы-индейки выиграть кастинг,
Наступают времена новоселий,
И когда тебе случайно однажды
Вспоминается дорога до счастья,
Ты в бессонницу идешь к карусели.

Только мир, что был твоим — взял и вышел.
Ты глядишь на прежних лет панораму
И затягиваешь ту же подпругу.
И так хочется, чтоб выше и выше,
Или пусть хотя бы прямо и прямо,
А выходит все по кругу, по кругу...

ПРО МЕЧТУ

Искупавшись в потоке лет,
На жаровне полярных зорь
Сделай кофе, что крепче нет,
Да гляди, затуманив взор,

Как пытаются улизнуть
От забывшей себя земли
В океанскую синизну
Парусатые корабли.

В пене сливок купая нос,
Можно жмуриться и мечтать,
Представляя, что ты — матрос,
Или — что уж там! — капитан,

И команд твоих трубный глас
Громогласней, чем шторма рык...
— Не страшат ураганы Вас?
— Ураганы? Да нет, привык!

И пора б уже перестать
Сочинять себе судьбы зря,
Но мальчишкам нужна мечта
(И желательно — про моря),

Чтобы после они смогли
Повести караван судов
До макушки своей земли,
К восьмиклинке полярных льдов...

УТРО

В богатырской броне, восседая на байке лихом,
Ранним брезжащим утром ты выберешь путь на восход:
По широкому полю, что пешему не перейти,
Под сиянием звездных, игрой не окупленных свеч,
По высоким горам, что упали с расправленных плеч,
И цепями вершин заплели все прямые пути,

Мимо рек, что не так велики, чтоб качать корабли,
Мимо светлого леса, где сосны — лампы земли —
Освещают пространства, а в хмурые дни — времена.
Распуская тугие ремни часовых поясов,
Ты вращаешь земли перепачканное колесо
И все чаще глядишь в небеса. Облаков рафинад

Растворяется в розовом, делая сладким рассвет —
Он прекрасен под кофе. Что ждет тебя завтра — Бог весть!
Но сегодня и здесь для тебя золотою монетой
Солнце катится в небо, рисуя свою колею,
Байк поет свою песню, а ты сочиняешь свою —
Для чего же еще тебе ехать навстречу рассвету?

ТРОЙКА

Не ямщик с румяным лицом, а пират, ушедший от дел:
В ухе — золотое кольцо, нити серебра в бороде,

Хоть тулуп на сгибах потерт, но глаза, как угли, горят:
— Барин, поднимайся на борт, время выбирать якоря!

Поднимайся, барин, скорей! Тройка у меня — видишь сам —
Бригантина снежных морей! Гривы лошадей — паруса,

Полетим по снежным волнам, оседлав шальные ветра, —
Даже черт не брат будет нам! А дорогу сам выбирай:

Хочешь — заводь тише травы, где кувшинки в тихой воде,
Где небес бездонная высь тонет в тихом омуте, где

Встретишь и тепло, и покой, а возможно — даже любовь,
И раскрасишь дом над рекой золотом поспевших хлебов?

Хочешь — будут бурными дни, ты вдали увидишь сквозь мрак,
Как горят таверны огни, на ветру полощется флаг,

И друзья бурлящей рекой приступом берут города —
Этот путь мне тоже знаком — сколько раз я правил туда!

— Хватит, — отвечаю, — родной, тратить красноречие зря!
Я готов в дорогу давно, поднимай скорей якоря,

Повернем два раза ключи, запирая в прошлое дверь,
Кони понесут, горячи, а куда — неважно, поверь!

Только бы лететь по краям, чтоб белели грив паруса,
Чтоб вокруг — Россия моя, и над ней — Господь в небесах...

* * *

Он был самым нелепым из племени певчих птиц:
Осторожную жизнь полагал дорогой привычкой,
Очень много читал. Чтобы помнить число страниц,
Электронную книгу закладывал жженой спичкой.

Он терял все подряд: кошелек, телефон, ключи,
Дом, работу, друзей, и себя самого порою.
А когда, встретив страшный сон, он кричал в ночи,
— Спи, малыш! — говорила она. — Я тебя укрою.

Рядом с ней он не видел ни боли, ни дней лихих.
Раздели на двоих — будет всякого горя мало...
Что бы он ни писал — получались одни стихи.
Но она ничего-ничего в них не понимала.

СЕДЬМОЕ НЕБО

Из желтого кирпича — вот такой каприз —
Мы выстроим дом на окраине тишины,
Откуда к седьмому небу — куда-то вниз,
А вверх — только тот чердак, где цветные сны.

Поселимся — ты без затей, и я без хлопот,
И станем, как следует мудрым, но молодым,
Глядеть, как гуляет по крыше наш старый кот,
Подмешивать к облакам сигаретный дым.

Мы выясним, что в нашем доме живет душа,
И есть привидение — как же ему не быть?
И я буду думать о будущем, не спеша,
А ты будешь, не спеша, украшать наш быт —

Осколками счастья, разбитого невзначай,
Обрывками сказок, оставленных на потом,
А если по крыше вдруг станут дожди стучать,
Мы будем сидеть у окна на троих с котом.

И будут водой дождевой утекать года,
И мы будем помнить по-доброму каждый год...
А старость придет — мы упрячемся на чердак,
И там нас она, разумеется, не найдет.

Поэт. Родился и живет в Москве, окончил Московский городской педагогический университет и Московский институт иностранных языков; длительное время работал литературным переводчиком. Автор поэтических книг «Облик» (2011), «Ремесло невидимости и оборотничества» (2024), ряда журнальных публикаций. Стихи переведились на чешский и немецкий языки. Член Союза писателей XXI века с 2024 года.

ВИД ИЗ ОКНА

* * *

Красный лист меж непрочитанных
страниц; в пыли: билет на трамвай,
хитин отставного жука —
мертвые помнят живых

как признак места и времени:
это место
крушения весны, эту воду

пил пес, на воде
остались два круга, оттиск
его языка.

* * *

те кто стоят
обнявшись на льдине
помнят свои
взаимопроникающие имена

как синеву
и ее соляные колеса —

щека, щека и солнца
сквозь паруса таяния.

* * *

рыбы носили во ртах
глобулы искусственного воздуха —
дно заменять
перевернутым небом

в них клубилась кронами корпускул
волчья перепись птиц

за ухо колено и глаз
до восхода земли

* * *

и выпили едкое
имя с ладони —

и перестали двоиться
в поспешных глазах мира:
черном
и синем —

воедины как будто
из черной латыни тесноты
отлиты серьги смородины

* * *

уже изнашивались
шарниры в ручной лисице
перетерлись ремни и влага забыла
свои ногти на медных заводных головках —

кто-то пытался дышать
сквозь зубчатые буквы вращения
оставив на них клочья шерсти:

завитые строки непрерывности: зачем
в размыкание рук тополей впряжены
первопричины небес

* * *

ось любой ягоды —
плач

что струится в морщинах ландшафтов
и жабрах платьев июня не смея
остыть

начерно замещая
вертикалями седины тополей
светотени ключиц

* * *

в полипы причинно-
следственных фасадов
укрыты надежней ребра и воды
исходные ангелы-цифры —

над их головами темнели
мельничные мускулатуры столкновений:
сороки дрались за цвета
с нас сползшие этой весной —

лаконичны застёжки на ветре

болевая
сепия перьев

* * *

сорока — не побелеет пока
в своем теле не выжжет весь уголь —

надета на ось
толкования оттепели —

льды: окна ивы:
ключицы и звенья
пролитых серафимов врожденные в графы
органа падения

* * *

видеть
поводырей солнца сквозь сбывшиеся ладони
больней на число
шпал до начала —

где в тактильных объемах зимы
снег носил мою кожу
мною вовнутрь

* * *

пере-
переживать
оттенки крови —

дом построенный
из колыбельных перьев
рухнет

от единого
движения век

* * *

на апрельском бульваре
встав на стремянку
в синий цвет красил липам
ресницы
и впредь не забыть
черты тех кого ждут
за небесами
непрочные
самолеты

EURYNICE-FM

Наверное, никогда, разве только приснится:
расцветают бывшие, черные
кувшинки у берега лучшего из миров,
бывшие перья, красные капли
в никогда не блекнувшей траве,
в дальней распахнутой роще
зверь-вспышка —

— Когда, падая, ломает
пересохшие стебли тысячелистника
стальная водонапорная башня,
бледное лето, хруст, глаза полевки
удивленно-ртутные,
по-осеннему прозрачные
слезы Альбрехта, черные
петушиные перья —

— Под вскрытым кожухом жилистой
волокнистой плоти вращались шкивы,
вилились приводные ремни, скрипели колеса,
вращая глазные яблоки с ртутными зрачками,
перемещая выточенные из раковин ногти,
создавая иллюзию роста, — такими
мы увидели друг друга в разрезе
в Музее естественной истории в Гамбурге,
друг друга забыв
в слоях смиренного ракушечника,
латунные имена —

— Пожелтевший блеск, размокшая этикетка
жестяного цилиндра в песке;
крабы ворошат груды
гниющих рыбьих внутренностей;
ушедшие в море провожают взглядом
созвездия и курчавые волны;
песни дальнего похода:
опускается снег
на раскаленные солдатские шанкры;
над пагодами мчатся бубонные облака —

— На верхней ступени неподвижного эскалатора
поет муэдзин, и мчатся по пыльным туннелям
черные вихри, муравьиные сумерки;
жертвенная кровь в стерильных меандрах кафеля,

отметины дорожного реагента на обнажившихся корнях,
холодное рождество;
низкие птицы, билборды:
небо опустошаемо ветром —

— Воспоминание детства: кухня,
клеенчатая лужица, вид из окна:
мир солнечен и водянист,
словно только начал расти
из изначальной яйцеклетки;
и солнечный ангел
собирает в ладонь
пылинки, парящие
в утреннем воздухе,
на мертвенном грифеле
балансирует мотылек;
на сломанных ветвях
длятся сталактиты замерзшего сока,
в каждом — солнце и лица ушедших —

— Горбатые овалы листвы
и тополиная вспышка, окно
в слепой год; в мастерской
пружины и зубчатые колеса натурщиков,
размеченная перспектива,
оттенки, которым нет названия,
оттенки изменчивости
пружинистой крови —

— Говорят, горло венгерской оперной певице
после тяжелой операции заменили
изделием венских стеклодувов;
Артель глухонемых вырезает из золотой фольги
лепестки будущих роз —

— Пыльца на татуированной коже сапог
красна, как след от судьбы
в вишневых деревьях:
диктатор, безнадежно влюбленный
в киноактрису, чей разрез глаз выдает
память о снеге на шаткой траве,
симметрия родимых пятен и глаз
роднит с махаоном —

— Старый, траченный травой город;
птица, запертая в полом корпусе радиолы,
поет в сетчатые отверстия; вот,
уже скоро, ненужные клювы
сменят на флейты;
в проеме рухнувших врат
умещается мир,
тростник на берегах Ахерона,
Спаситель ведет праведных
по плодородной от слез
земле междуречья
Коцита и Флегетона.

* * *

Вслушиваясь в мир, дослушались до звука,
с которым свет точит камень,
луч же удлинялся все боле и боле
и уже провисал над лазоревой пустотой,

как недоумение того, кто, имея два глаза,
нашел в траве третий, в точности подобный двум первым,
и теперь ощупью ищет ему на лице
подходящее место.

ОДУВАНЧИК

— Быть может, улитка
мнит себя морем, наползающим на сушу?

Так жили мы, остерегаясь
только режущих стрекозых крыл, у облачного пруда,

и желтое солнце над нами
становилось белым
и улетало
с ветром.

* * *

Слушая звон крючка
о за ночь отвердевшую воду,
слепой рыболов познает
себя как ловца отражений.

* * *

Вот придут камыши целовать руки
на звук дрожащей от натяжения
тетивы языка — в сумерках,

когда дерн изувечит копыто кентавра
и сам пальцами с удлинившимися ногтями
нашупаешь рога, что наметились на висках

уплотнением
тишины.

* * *

есть дверь есть порог

но некого
назначить собой
хоть и полон дом твой птицами
кружащими со скоростью
остывания вселенной

и есть окна:

херувим ходит
по весеннем лесу
что уже занимается пламенем

* * *

Механизмом огня озадаченные,
три мудреца вглядывались в языки пламени
в надежде разглядеть в них потаенные
пружины и зубчатые колеса,

ухватить их пытались пальцами,
с пальцев капало, зло шипя на углях,
их время,
ставшее вдруг текучим.

* * *

На подошвы налипла тяжкая глина,
и ему уже не оторвать от земли
ног, не приспособленных
к земному тяготению,

только видеть глазами на стебельках,
как корабль его
в землю врастает —
роднится с землею.

* * *

офелия уже на полпути
к дремучим островам
где херувим прядет
из пламени новый лес

— кувшинки тасуют лепестки
желая остаться неузнанными
жмутся к дремучим островам
приближения

* * *

Дайте имя ему,
имя, в котором
было бы меньше его,
вскормленного студеной водой
из сосцов апреля, —

больше того, что нарождается
в вербный час в нижнем сосуде клепсидры,
когда жизнь истекает по капле
и верхний
— колыбель —
пустеет.

* * *

Только бог, что живет в подгнившем,
облепленном осами персике слышал,
как по днищу нашего челна скребут
мачты незатонувших судов,

он единственный знает в лицо
тех, кто махал нам с осеннего берега,
пока их не развеял ветер.

Зима; девушка на тонком поводке
ведет крейсер вдоль взморья Осаки.

* * *

Голубое не-место, где кончается день,
где кончается ночь;
и все боги взобрались в одну колесницу.

Лиана — и та восползает на дерево
лишь за цветком,
не зная, что распушится он через тысячу лет
и лес теснят взлетные полосы.

ШВЕДСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Взявшись за руки, волны водят хоровод
вокруг бревенчатого острова, из чьих бойниц
выглядывают замшелые пушки — будь они людьми,
выжили бы из ума от старости, — из дул, как слюна,
стекает вязкая влага. Там не глубоко, но какие
руки нужны, чтоб дотянуться до дна? — руки спрута —
чтоб на ощупь найти место встречи матросов,
шедших из Ревеля в Гельсингфорс,
и из Гельсингфорса в Ревель, а ныне
покорных течениям, рыбам и льдам.

Морось цвета камня. Острова как цветы
тленья и славы.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

КОГДА ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ

ВСЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Н.

В детстве я хотел стать спортсменом.
И в десять лет стал чемпионом Москвы по хоккею с шайбой — среди мальчиков.

В юности я хотел стать лингвистом.
И в двадцать два года закончил факультет иностранных языков педагогического института и какое-то время работал переводчиком-синхронистом.

В молодости я хотел пожить за границей.
И к тридцати годам объездил полмира.

А еще я хотел быть журналистом и книжным издателем.
Эту мечту я тоже осуществил.

И всю жизнь, начиная с юности,
Я хотел, чтобы ты, любовь моя, была рядом со мной.

Все получилось.
Ты навсегда осталось со мной — в моем сердце.

А что я хочу сейчас, когда мне за шестьдесят,
Я лучше промолчу.

2024

ДОЖИТЬ ДО ВЕСНЫ

Октябрь завершается.
Впереди пять месяцев холодов.
Надо собрать волю в кулак и дожить до весны.

2024

Поэт, прозаик, драматург. Родился в г. Королёв Московской области. Окончил Российскую Академию Театрального искусства и Литературный институт им. А.М. Горького. Книги стихотворений: «Мандариновый сад» (Издательство «Геликон+», 2006 г.), «Ко всему прочему» (Издательство «Русский двор», 2010 г.), «Закрытая книга» (Издательство «Авторская книга», 2013 г.) «Детский возраст» (изд-во «КП ОГТ», 2014), «Мелкотемье+» (Издательство «АуроИнфо», Санкт-Петербург) и др. Член Южно-Русского Союза писателей и Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат национальных и международных премий в номинациях «драматургия», «поэзия» и «литературная критика». Участвовал в СВО. Ветеран боевых действий.

КАК НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

(Школьные и не только рассказы Димки Донского)

ГОША

ПРОЗА

Зинаиду Михайловну между собой называем Зинкой. Она с нами уже четыре года. Преподает все предметы, кроме английского. Выглядит на отлично. Всегда. Улыбается так широко, что блеск ее зубов со свистом долетает до «камчатки» — последних парт. Каждый день приходит в школу в новой кофточке. В тот раз приходила в розовенькой. Я запомнил хорошо, потому что кофточка была похожа на ту, которую носит моя мама.

Зинка привела в класс Гошу и сказала, что он теперь будет учиться с нами. У Гоши звучная фамилия. Победоносцев. А полное имя — Георгий. Георгий Константинович Победоносцев. Грозное имя. Только на вид Гоша далеко не такой. Худой и бледный. Сейчас, конечно, он выглядит намного лучше. Порозовел. Но тогда он был ужасающе бледным.

Когда Зинка представила Гошу, класс зашумел. Начали перешептываться. Имя и фамилия никак ему не подходили. Гоша это почувствовал и сказал, что родители его Гошей называют, поэтому мы тоже можем называть его Гошей, а не Георгием.

Зинка посадила Гошу на свободную парту прямо за Оксаной. Когда он сел, Оксана повернулась к нему и сказала, что ее зовут Оксана. Гоша ответил: «Сейчас...», и полез в рюкзак. Достал конфету, протянул Оксане: «Это из гуманитарки... Осталось...» Оксана от неожиданного подарка растерялась. Покраснела. Но конфету взяла. Так они подружились.

Во время перемены я копался в своем телефоне, а Гоша с Оксаной о чем-то разговаривали, стоя у окна. Искоса поглядывал на них. Солнечный свет огибал парочку и казалось, что они светятся. Оксана развернула конфету, которой угостил Гоша в начале урока, и взяла ее

двумя пальчиками. Так и стояла рядом с Гошей, держа ее. В одной руке конфета, а в другой фантик.

Раньше Оксана общалась только со мной. Теперь у нее появился еще один друг, и я был этому рад. Потому что устал дружить с ней в одиночку. Все время надо следить, чтобы никто не обидел. Поиграть времени не хватает.

Ближе к концу перемены подошел к ним, спросил: «Ну, как вы?» Протянул открытую ладонь Гоше, познакомиться: «Дмитрий, можно Дима или Димка, держи пять...» Гоша кивнул и легко ударил ладонью по моей. Оксана пристально посмотрела на меня, потом на Гошу, потом снова на меня: «Какие вы разные и какие вы одинаковые!» Что значили ее слова, так и не понял. Оксана часто говорит что-то такое, чего я не понимаю. Скажет, и я неделю думаю, что она имела в виду. Иногда раздражает, а иногда даже нравится, потому что люблю думать.

Оксана наконец-то вспомнила о конфете. «После уроков съем!» — сказала, завернула ее фантиком и убрала в кармашек. Достала салфетку, протерла пальцы, на которых остался шоколад от потекшей конфеты, и добавила: «Пойдемте в класс, скоро урок начнется...»

ПАЦИФИСТ

Известие о том, что появился мальчик, который своими глазами видел войну, быстро расползлось по школьным коридорам. Ребята перешептывались друг с другом. Даже надвигающиеся контрольные не так сильно волновали. Особенность придавало то, что у Гоши отец на фронте. В нашей школе он один такой. На него смотрели с восхищением и удивлением.

После уроков ждал у школы Оксану. Проводить до дома. Оксана долго не выходила. А я опаздывал на футбол. Злился на нее.

Наконец Оксана вышла. Вместе с Гошей. Я нахмурился, как хмурится мой отец, когда ему что-то не нравится: «Мне на футбол сегодня!» Оксана откинула челку движением головы и сказала, что могу больше не провожать ее, потому что есть Гоша. Прямо так и сказала: «Иди играй в свой футбол! Теперь за меня Гоша будет заступаться. Если вдруг что». Я ответил: «Окей», и добавил: «Пока»... Развернулся и пошел в сторону футбольного поля, где меня уже давно ждали. Не успел завернуть за угол, как слышу: «Донской!» Это Оксана звала меня. Она никогда ко мне по имени не обращается. Только по фамилии. Правда, фамилия у меня Донских, но зовет Донским. Так ей больше нравится. Развернулся, смотрю, моя парочка — Оксана и Гоша — стоят у школьной калитки. А Немец им путь загородил.

Немец учится на класс старше. Фамилия у него Немцев, потому и прозвали его Немцем. Волосы фиолетовые. Круглолицый. Ходит в развалочку, растопырив локти, будто не локти это, а крылья.

Оксана помахала рукой. Понадобилась моя помощь. Недолго думая, побежал к ним и сразу же с вопросом к Немцу: «Что-то случилось?» Немец замялся. «Да вот, — говорит и кивает на Гошу, — у него отец на фронте, а я этот, как его, пацифист...»

Гоша стоял чуть впереди. Кулаки у него были сжаты. Лицо покраснелось. Всю его бледность как рукой сняло. Карие глаза сузились. Брови сдвинулись. Стал похож на тигренка, выследившего свою добычу и готовящегося к победному прыжку. За Гошей стояла Оксана и смотрела на меня строгими глазами, в которых ясно читалось: «Сделай, сделай же что-нибудь!» Я встал рядом с Гошей. Кулаки не сжимал. Просто встал рядом и переспросил Немца: «Кто-кто ты?» Немец гордо поднял фиолетовую голову и выпалил: «Пацифист!»

У Немца отец бизнесмен. В прошлом году Немец не пускал детей в туалет. Встал у двери и требовал какую-то дань. Говорил, что туалет в школе теперь платный, и если кто-то хочет сходить по-маленькому там, или по-большому, тот обязан платить ему. У одного мальчика не было денег, и он описался. Потом шум сильный поднимался. К нам приезжала комиссия. Спокойно учиться не давали. Немца чуть не выгнали из школы. Но его отец отремонтировал актовый зал, и все как-то само затихло.

Среди сверстников Немец ведет себя тихо, никого не задирает. Близко ни с кем не дружит. На переменах от скуки поднимается на этаж начальной школы и цепляется к младшеклассникам.

Я посмотрел на Немца, засмеялся и еще раз переспросил: «Кто ты?» «Пацифист... А что?» В разговор вступила Оксана: «Ты знаешь, кто такие пацифисты?» Это она к нему обратилась. «Они против войны, — ответил Немец, — а у него, — кивнул на Гошу, — отец воюет, значит, я против него!» «Пацифисты — это те, которые за мир, а не те, которые против войны, — сказала Оксана, — дай пройти!» «Не дам. Я против войны!» — не унимался Немец. «Против войны и поэтому житья не даешь тем, кто чуть слабее?» — это уже я вступил в разговор. Гоша сделал шаг на Немца со словами: «Не слабее...» «Оксана, — я повернулся к Оксане, — кажется, в школе новые окна вставить надо. Думаю, что отец Немца этим скоро займется...» «Доносчики!» — разбрызгивая слюной, прошипел Немец.

Не знаю, чем бы все закончилось, но мы услышали: «Гоша! Гоша!» Гоша посмотрел в сторону кричащей женщины и сказал нам, что это его мама. Немец еще раз обозвал нас доносчиками и ушел.

Гошина мама отпросилась с работы, чтобы встретить сына после первого учебного дня в новой школе. Гоша был недоволен, что мама пришла. Вроде как взрослый. Неудобно, что мама из школы встречается. Но ничего не сказал. Я понял, что во мне больше никто не нуждается и побежал играть в футбол.

КАМЧАТКА

Вид с последней парты похож на взгляд из космоса. Я всех вижу. Сидеть впереди неудобно. Кажется, будто кто-то все время в затылок дышит. А с «камчатки» весь класс перед глазами. Как на ладони. Разглядываю одноклассников и придумываю каждому истории.

У Ленки большой белый бант. Но сегодня в школе нет никакого праздника. Значит, праздник у нее дома. Смотрю на бант и представляю, с какой заботой Ленкина мама с утра вплетала его в косичку. Может, у кого-то из домашних день рождения, а может... а может, ее папа получил премию и пригласил ее маму на свидание. Интересно, а взрослые папы и мамы ходят на свидания? Мои не ходят. Работают. По выходным в хорошую погоду на дачу ездят. Тогда я остаюсь с дедушкой. Дедушка воевал в Афганистане. Он мне много про ту войну рассказывал. Это сейчас в касках воюют. Тогда воевали в панамах. У моего дедушки осталась панاما. И тельняшка еще. Тельняшка с дырочками уже. А панاما хоть и выцветшая, но крепкая.

Серёга взлохмаченный. Пришел в школу непричесанным. Зевает без конца. Его родители часто ругаются, спорят между собой. Они работают художниками. Творческие люди. С творческими людьми сложно жить в одной квартире. Повсюду выжатые тюбики от краски, холсты с незаконченными рисунками, кисточки. Шагу не ступить. Приходил к нему в гости помочь на английском составить рассказ. Видел. Целый час пробирался сквозь расставленную вдоль стен картинную галерею к письменному столу, за которым Серёга делает

уроки вместе с Чебурашкой. А когда пробрался, надо было уже уходить. Толком позаниматься не успели.

Серёга еле справляется со сном. Ерзает на стуле. На парте Чебурашка. Зинка разрешает ему учиться вместе с Чебурашкой, потому что без него у Серёги плохо получается.

Серёга смотрит на Зинку, но вряд ли слышит, что она говорит. Голова занята домашними заботами. Мои не ругаются. С отцом ругаться невозможно. Он как нахмурится, так лучше убежать, чем ругаться. Когда отец нервничает, мама нежнее становится, спокойнее. Но чем веселее отец, тем серьезнее мама.

У Виталика ухо грязное. С утра, видимо, ни свет, ни заря ремонтировал скутер своего брата, испачкал руку и почесал ухо.

У Вики в портфеле что-то интересное. Она постоянно поглядывает на него. Проверяет — на месте ли. Можно подумать, что кто-то стащит ее портфель во время урока.

Скоро майские. Зинка рассказывает о Дне Победы. Мы будем готовить театральную композицию. Читать стихи и петь военные песни. Больше всего на свете люблю Девятое мая. Девятое мая нравится больше Нового года. Потому что солнечно. Зимой, правда, можно с горки кататься. Тоже весело. Но на майские хорошая музыка звучит отовсюду.

Мы с отцом и бабушкой утром смотрим военный парад. Мама в это время блины печет. Парад она не любит. Военный парад, говорит, для мальчиков, а для девочек — печь блины — в самый раз. Днем обязательно всей семьей гулять ходим. Девятого мая родители на дачу не ездят. Мы этот праздник в городе отмечаем. Все вместе. Так заведено.

У Вики в портфеле котенок. Голова вылезла. Рыжая, как сама Вика. Зинка заметит, и ей достанется. Надеюсь, не заметит. Лишь бы не замаякал. Замаякает — очень смешно будет. Класс обязательно засмеется. Вика испугается. А Зинка руками всплеснет. Она всегда руки разводит в стороны, когда слов не хватает. В прошлом году Вика уже в школу приносила. Тоже в портфеле. Он во время урока вылез. Девчонки на парты залезли. Зинка тоже хотела, но сдержалась. Руки в стороны развела и стояла молча, как египетская мумия. Я погладил ужа. Ради интереса. Ничего интересного. Немного противно.

Зинка заметила котенка.

— Вика!

— Зинаида Михайловна, он такой беденький! Сидел на улице под деревом и плакал. Я взяла его, — и он плакать перестал.

— Принеси его мне, — попросила Зинка.

Вика достала из портфеля котенка и принесла учительнице.

Зинка взяла котенка, прижала к себе, сказала, что он красивый. Вика села на место, а котенок остался у Зинки. Она до конца урока не выпускала его из рук. Рассказала, что котят считают символом специальной военной операции, потому что охраняют от мышей продовольственные запасы доблестных русских воинов. Получается, что они тоже наши защитники.

После урока Зинка попросила у Вики оставить котенка ей. Заберет к себе домой. Вика оставила. Сказала только, что будет приходить в гости. Навещать котенка.

СЛОН

Наша Зинка повела себя как настоящий «слон». Слонами большие мальчики в интернете называют людей, которыми нужно гордиться. Это уважаемые люди. Они ходят впереди всех, будто прокладывают дорогу, и в обиду никого не дают.

Мама Немца пришла в школу. У нее большие губы. Она похожа на аквариумную рыбку-наполеон. Видели с отцом такую в магазине. Я смеялся. Отец морщился.

Мама Немца пришла и сразу к Зинке с криками. «Почему, — кричала, — вы по школе с блохастыми кошками ходите? Хотите, — кричала, — чтобы детей блохи покусали?» Немец рассказал своей маме, что видел нашу учительницу в школе с котенком. «Мы вам, — кричала мама Немца, — актовый зал отремонтировали, чтобы вы нормально детей учили, а вы чем тут занимаетесь?» «Мы учим», — спокойно сказала Зинка. А мама Немца опять в крик: «Не тому вы детей учите! Не так! Я научу вас учить!»

Она так сильно кричала, что стены школы ходуном ходили. Зинка бровью не повела.

Мама Немца обещала написать на нее, куда следует, наябедничать и сделать все, чтобы ее уволили. Сам Немец стоял позади своей мамы и хлопал довольными глазами. Зинка спокойно выслушала и сказала: «Пишите, куда хотите. Но пока я здесь учитель, а не вы, и я буду учить детей тому, чему надо учить детей».

Мама Немца от такого спокойствия дар речи потеряла. Побежала к директору. Долго там находилась. Потом к директору вызвали Зинку.

Вика стояла под дверью в кабинет директора и ждала учительницу. Она считала себя виноватой в том, что случилось. Это ведь она котенка в школу принесла.

У зеркала, которое висит напротив гардероба, крутилась Ленка и любовалась своим бантом. Повернется одним боком, другим, поправит его и так, и этак. Глаза в зеркале, а ушки внимательно слушают, что говорят. Ей хочется, чтобы все вокруг завидовали тому, какой у нее роскошный белый бант. Как маленькая.

Прошла по коридору англичанка. Звонко цокая каблучками. Англичанкой мы называем учительницу английского языка. Ребята притихли. Она строгая. Мы у нее на уроках никогда не шумим.

Виталик стоит рядом со своим старшим братом. Просит, чтобы тот покатал его вечером на скутере.

Серёга сидит на корточках, прижавшись спиной к стене. Трет глаза. Спать хочет.

Зинка вышла из кабинета директора, увидела Вику и подошла к ней. Погладила по голове, сказала: «Беги в класс. Все хорошо». Вика побежала. Я тоже пошел в класс. Все пошли в класс. Наша Зинка не выдала Вику. Настоящий «слон»!

ДОБРОВОЛЕЦ

Дядя Саша со второго этажа ушел на фронт еще в прошлом году.

Дядю Сашу все дети называли дядей Сашей. Хотя он никому не был родственником. Просто он такой добрый, как все дяди. Одинокий и добрый дядя Саша. Часто гонял с нами в футбол во дворе. Сам седой, еле бегают, но мяч хорошо держит и бьет сильно.

Дядя Саша нам — детям — не признавался, что хочет уйти на войну. Никому не признавался. Выходил во двор. То на лавочке посидит, то с нами в футбол поиграет. Обычный человек. И вдруг пропал. Лавочка стоит пустая, и с нами в футбол никто не играет. Мы

поинтересовались у взрослых: «Куда пропал дядя Саша?» Не отвечали. Потому что не знали. Отец в полицию звонил, больницы вместе с мамой обходил. Искали. Наконец выяснилось, что дядя Саша ушел на войну.

Его долго не брали. Возраст. Здоровье. Ходил, обивал порог военкомата после того, как объявили о начале специальной военной операции. Долго ходил. Больше полугода. Нашел какую-то, как выразился папа, лазейку, взяли. Мама говорила, что он старый совсем, зачем? Папа отвечал маме, что жили в одном доме с героем и не знали этого.

Недавно папа сказал маме, что дядя Саша жив. Случайно услышал.

Какое-то время не было от дяди Саши вестей. Дети переживали. Я выбежал во двор и рассказал друзьям. Решили, что должны рассказать всем о том, что дядя Саша жив. Раздобыли белую краску в гараже у Оксанкиного дедушки и написали на дороге перед домом: «ДЯДЯ САША ЖИВ!» Оксана сама рисовала восклицательный знак. Остальные буквы рисовали мальчишки. Нас никто не ругал. Даже Оксанкин дедушка, чью краску мы раздобыли.

РЕПЕТИЦИЯ

Зинка собрала в актовом зале на репетицию мальчиков и девочек, которые хотели участвовать в школьном утреннике, посвященном Дню Победы. Она ответственная за праздник. Были почти все ребята из нашего класса, и пришли еще школьники из старших классов.

Стихи выбирали накануне. Кто-то уже успел выучить, а кто-то нет. Зинка говорила, что лучше читать наизусть. Мы соглашались. Наизусть и правда лучше. Читаешь и смотришь в зал. Если наизусть не знаешь, приходится читать по бумажке, и тогда не видно, как зрители реагируют на стихи. На то, как читаешь. А ведь это самое интересное. Когда читаешь громко, зрители смотрят на тебя, открыв от изумления рты. Смотрят прямо в глаза и слушают. По бумажке так не получится. Но громко читать — это не самое главное. Можно громко оттараторить так, что никто не поймет, о чем стихотворение. Еще нужно делать паузы в правильных местах. Отделять ими друг от друга предложения. На запятых тоже хорошо бы останавливаться. Чтобы набрать в рот воздуха и чтобы строчки не сливались — не терялся смысл.

Мы по очереди читали, а Зинка нас поправляла. Советовала, какие слова лучше выделить — произносить погромче, а какие, наоборот, потише. Для пронзительности.

Я слушал ребят, и у меня слезы наворачивались. От восхищения. Еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Мальчикам ведь нельзя плакать над стихами. Мальчикам вообще плакать нельзя. Слушал и думал, что у меня так пронзительно не получится. Боялся выходить читать. Но когда вышел на сцену, страх прошел. Сам. Не нужно было ничего для этого делать специально.

Я читал отрывок из «Василия Тёркина» Твардовского. Про то, как солдат чинит пилу деду. В этом отрывке нет ничего пронзительного. Зинка просила прочитать, как веселый рассказ. Показать, что дед переживает и никак не может понять, почему пила не пилит. Потом показать появление солдата, который осматривает пилу и разводит на ней в разные стороны зубчики. Я прочитал, изображая то печального деда, то смекалистого солдата. Ребята хохотали. Зинка тоже. Особенно громко, когда показывал веселого деда, который обрадовался тому, что его пила снова начала пилить. Для того, чтобы показать радость деда, сплясал.

Неожиданно к нам присоединился Немец. Сказал, что хочет поучаствовать в утреннике. Он пришел ближе к концу репетиции. Долго стоял в дверях, пока Зинка не махнула ему рукой: «Заходи смелее!»

Зинка предложила ему прочитать стихотворение Константина Симонова «Жди меня, и я вернусь». Сначала Немец отказывался. Говорил, что оно про любовь. А про любовь ему не хочется. Засмеют. Но Зинка сказала, что это самое лучшее стихотворение о войне. Поэтому Немец согласился. Правда, он читал и спрашивал у Зинки, где же тут война? Ему хотелось про самолеты и танки. Но танков и самолетов не было в стихотворении.

Театральную композицию Зинка предложила сделать такой. Сначала я и другие ребята читаем стихи. Потом выходит Гоша и как будто идет в атаку, кричит: «Ура! За Родину!» Слышатся взрывы. Гоша, как будто раненный, падает. К нему подбегает Оксана. У нее роль военной санитарки. Перевязывает Гоше голову и зовет Виталика с Серёгой. Они приходят с носилками. Кладут на них перевязанного Гошу и выносят его. Оксана уходит вместе с ними. На сцене появляется Немец и читает стихотворение «Жди меня, и я вернусь». После прочтения все участники утренника выходят на сцену. Поем песню про День Победы со слезами на глазах, кланяемся зрителям, нам хлопают. Зинка сказала, что нам обязательно будут хлопать, если мы сделаем все правильно.

Остаток репетиции Зинка потратила на Немца. На объяснение того, почему стихотворение «Жди меня» самое лучшее стихотворение о войне. Она сказала: «В сказках добро побеждает, а на войне — любовь...» Немец засмеялся: «В сказки только малышня верят», и показал на нас.

Немец бурчал, говорил, что не понимает, как такое возможно, чтобы любовь на войне побеждала. Можно победить, говорил, только с большими танками и самолетами. А любовь здесь ни при чем. В конце концов Зинка устала и попросила его к следующей репетиции просто выучить стихотворение. Тогда они еще раз обсудят его.

ХУДОЖНИКИ

У нас во дворе есть огромная трансформаторная будка. Страшная. Без слез не взглянешь. Серёгиным родителям поручили к Девятому мая нарисовать на ней что-нибудь красивое. Танчик или самолет. Чтобы люди, глядя на будку, радовались, а не печалились.

Серёгины родители думали-думали, что лучше нарисовать, но так и не придумали. Поэтому вышли во двор и спрашивали у каждого встречного, что они хотят видеть на трансформаторной будке.

Смотрят, стоит Оксанкин дедушка у своего гаража. Они к нему:

— Что нарисовать на трансформаторной будке?

— Машину «Победа» с красным флажком на капоте, — не задумываясь, ответил Оксанкин дедушка, — а вокруг машины пятнадцать гербов союзных республик... Нет, нарисуйте шестнадцать! Шестнадцать мне больше нравится.

— Спаса Нерукотворного нарисуйте! — услышав с балкона вопрос художников, закричала оксанкина бабушка. — Будет присматривать за нами!

— Нет, машину! — настаивал на своем дедушка.

— Спаса!

— Машину!

Оксанкины бабушка и дедушка начали перекрикиваться. На шум вышли соседи. Каждый предлагал свой вариант рисунка. Одни требовали нарисовать старушку с красным

знаменем, другие мальчика в танкистском шлеме, а третьи — парня из кино с надписью «Сила в правде!» Спор нешуточный разгорелся. Кто-то настаивал на том, что надо нарисовать картинку по мультикам, потому что во дворе дети бегают, которым не надо ничего знать о войне.

Мы сидели на лавочке под каштаном и с любопытством смотрели на взрослых. Гоша хотел, чтобы нарисовали солдата, похожего на его папу. Вике по душе котенок с красивыми глазками. Оксане — гвоздики. Виталику георгиевскую ленточку подавай. Серёга, как обычно, спал, и дела ему до рисунков никакого не было. Потому что дома устал от них, а тут еще и во дворе будут.

Я не знал точно, что сам хотел. Выбрать не мог.

— Чего молчишь? — спросила меня Оксана.

— Слушаю, — ответил и почесал затылок, переведя взгляд на трансформаторную будку. Она хоть и большая, но на ней вряд ли поместятся все наши желания.

В какой-то момент Серёгиным родителям надоело выслушивать предложения взрослых и сказали, что нарисуют только то, что захочет их сын. Хорошо, согласились взрослые, понимая, что детские желания превыше всего, и толпой двинулись в нашу сторону. Мы дружно посмотрели на Серёгу. Серёга спал.

— Наша будка останется страшной на веки вечные, — вздохнула Оксана. Мы с Гошей звонко рассмеялись, и от нашего смеха проснулся Серёга.

— Где смешно? — спросил.

— Здесь... — не переставая смеяться, ответил Гоша и кивнул на толпу взрослых. — На тебя идут!

— Что я им такого сделал? — глаза у Серёги от испуга округлились, лоб покрылся испариной, а волосы поднялись дыбом. Он вжался в лавочку. Не успел проснуться и понять, что происходит, поэтому на всякий случай сразу испугался.

Взрослые подошли к нам. Серёгины родители строго посмотрели на своего сына и спросили:

— Чего ты хочешь, Серёженька?

— Чебурашку хочу, — сказал Серёга, встал с лавочки и приготовился тикать ото всех.

— Ребенок хочет Чебурашку! — громко произнес оксанкин дедушка. — Пусть будет Чебурашка!

Серёга снова присел на лавочку и вжался в нее. Взрослые обступили, не вырваться.

— Нужен рисунок на тему Дня Победы, — расстроились Серёгины родители. — Чебурашка не годится...

— Нарисуйте Чебурашку в бронежилете с победным красным знаменем в руках! — подсказал оксанкин дедушка.

Такой вариант всем понравился кроме оксанкиной бабушки. Она с балкона продолжала настаивать на Спасе Нерукотворном. Тогда оксанкин дедушка снова подсказал:

— Пусть на победном знамени будет Спас!

— Да, это правильно, — хором решили взрослые и разошлись каждый по своим делам.

ВЕТЕРАН

В апреле много солнечных дней. Снег тает. Ручейки бегут. Небо высокое. Облаков почти нет. На большой перемене пошли вдвоем — я, Оксана и Гоша — в магазин, чтобы купить вкусняшек. Нас выпускают из школы на большой перемене. Директор разрешает выходить тем, кому разрешают родители. Нам разрешают. Отец сделал мне банковскую карту и клал туда немного денег, чтобы я себе ни в чем не отказывал, но меру помнил, как он выразился.

В магазине не так много людей. Мы направились напрямик к полкам, на которых выложены вкусняшки.

Когда иду в магазин с родителями, то сперва заходим в отдел, где продают мясо. Потом идем туда, где рыба. Сыр, молоко, овощи. В кондитерский отдел заходим в последнюю очередь. Я мало ем сладкого, потому что вредно. Иногда хочется. Очень сильно. Но я умею терпеть. И в этот раз мог бы вытерпеть. Обойтись. Только неловко, что один Гоша конфетами Оксану угощает.

Выбрали себе вкусняшек, встали в очередь на кассу. За нами пристроился высокий дядька. Худощавый. Одетый в камуфляж. Небритый. Но это не портило его внутреннюю красоту. В его поведении было что-то от благородного рыцаря. Пугал только пробормотанный шрам, от которого в обе стороны седые волосы ложились.

Кассирша начала пробивать нам вкусняшки. Рыцарь сказал ей: «Давайте я сделаю детишкам скидку. У меня социальная карта есть». Кассирша согласилась: «Такой красивый и уже с социальной картой?» «Как ветерану боевых действий выдали. Недавно. Пришел в магазин пораньше, попробовал, что значит покупать продукты со скидкой по социальной карте». «С войны?» — это кассирша поинтересовалась у рыцаря. Рыцарь ответил: «Да...»

У меня дух захватило. Мы покупали себе вкусняшки, как настоящие солдаты, вернувшись с войны. Так почувствовал. Оксана затараторила, обращаясь к рыцарю: «Мои бабушка и дедушка маскировочные сети плели и посылали вам на фронт! Вы получали их?» «Конечно, — рассмеялся рыцарь, — получали!» «А я письма вам писала. Открытки со стихами на Новый год и на 23 февраля». «Получал!» «Я тоже писал», — подхватил разговор, пытаюсь похвастаться. «И твои получал!» «Мой папа еще на войне. Плохо без него», — тихо произнес Гоша. «Твой папа герой. Гордись им!» «Горжусь!» В этот момент я покраснел. Мой папа не на войне. Получается, что гордиться отцом не могу. Сказал об этом рыцарю: «Мой папа тоже хочет на войну. Но моя мама его не пускает». «Мамы они такие», — рассмеялся рыцарь. Рассмеялся ему в ответ. Тоже считаю, что мамы «они такие».

ФУТБОЛ

Игра не шла. Но счет выровняли. Два-два. В моей коллекции еще один забитый гол. Играли с пятиклассниками. Немец хорошо водит. Но в скорости проигрывает. Когда нужно пасовать, увлекается обводками и теряет мяч.

К концу второго тайма, когда многие считали, что мы проиграем, Серёга сделал красивую передачу. Обычно он спит, даже когда в футбол играет. Мяч катится к нему — он спит. Надо пасануть — спит.

В этот раз Оксана с Гошей вовремя разбудили его, закричав: «Серёга, проснись!» Серёга проснулся. Передал мяч мне. Я принял и пробил по воротам. Мяч оказался в сетке. Вратарь пятиклассников и не понял, как такое получилось.

Гоша с Оксаной сидели и болели за нас. Кричали, хлопали. Когда я забил, встали со скамеек и прыгать начали. Обрадовались. После финального свистка подошел к ним. С гордостью смотрели на меня. Только я внутри себя понимал, что мог сыграть лучше. Все равно, конечно, было приятно.

— Скучная игра, — недовольно усмехнулся.

— Нам понравилось! — хлопнув меня по плечу, сказал Гоша.

— Они медленные. Возьмут мяч и держат.

— Гоша, не слушай его! Он собой вечно недоволен. Носился по полю, как угорелый, и говорит, что игра скучная. Смотри, весь мокрый! — Оксана оценила мою футболку.

— Вы ничего про футбол не понимаете.

— Лучше бы спасибо сказал за то, что мы вас поддерживали.

— Спасибо. Чем старше, тем медлительнее. Будет плохо, если в следующем году мы так же медленно играть начнем, — кивнул на футбольную команду пятиклассников.

— Мой дедушка медленно ходит. Это от старости. Тебе еще рано стареть, — засмеялась Оксана.

— Старики медленные и память у них — плохая. Начнут играть и забудут, в какие ворота надо мяч забивать, — Гоша попытался пошутить.

— У детей тоже плохая память. Я не помню себя маленькой. Не помню, что со мной было, когда родители живы были. Их не помню. Знаю только по фотографиям, как они выглядели, — сказала Оксана. У нее родители погибли в автокатастрофе. Давно.

— А я себя с трех лет помню, — уже серьезно сказал Гоша.

Когда Гоше было три года, его отца ранило в бою. Осколок от мины попал в руку и перебил кость. После госпиталя ненадолго приезжал к сыну. Гоша рассказал о том, что помнит, как отец поднимал его высоко к небу. Значит, рука у него зажила. Еще Гоша рассказал, что помнит, как они сидели втроем — он, его мама и его отец — обнявшись.

У меня таких воспоминаний нет. Помню, что мне было тихо и спокойно. А когда именно было тихо и спокойно — в каком возрасте — не помню. Будто так всегда было. Настоящее детское детство. Отец все время собирал военный рюкзак, а мама его разбирала. Не ругались, не кричали друг на друга.

Вечером отец придет с работы. Достанет рюкзак, уложит в него носки, трусы, водолазку, несколько футболок. Достанет походную аптечку, переберет лекарства. Дедушка ему крикнет: «Жгут проверь!» Отец проверит жгут — размотает его, растянет, потом скрутит и положит назад в аптечку. Застегнет ее и прикрепит к рюкзаку. Потом сходит в ванную комнату, возьмет мыло, зубную щетку, бритвенные станки. Электрическую машинку для стрижки волос. Вернется к рюкзаку, рассует по кармашкам и сядет над ним со словами: «Вроде ничего не забыл...» Дедушка скажет: «Ну, с Богом!»

Отец посидит немного над рюкзаком, встанет, отнесет его в прихожую и ляжет спать. Проснувшись утром, увидит, что рюкзака нет. Пока отец спит, мама разбирает его. Вещи кладет на свои места в шкафу, мыльные принадлежности относит в ванную, аптечку убирает подальше — с глаз долой, как она выражается. Пустой рюкзак закидывает на антресоль. Отец посмотрит, что рюкзака нет, вздохнет, уйдет на кухню. Долго сидит там, ни слова не говоря. Мама заглянет к нему, они о чем-то пошепчутся, приготовят завтрак, разбудят меня, покормят, и мы разойдемся каждый по своим делам. До вечера. Дедушка спит у нас до обеда. Вахтовик. Полтора месяца работает, полтора месяца спит до обеда. Его никто не будит. Родители на работе, я в школе или во дворе с ребятами. Так проходит день. А вечером отец снова достает рюкзак и собирает его под присмотром дедушки.

Тихое приключение. Даже не мое, а всего лишь отцовского рюкзака. Скучное, как сегодняшний футбол.

ПЕРВОМАЙ

Родители накануне первого мая уехали на дачу. Я остался с дедушкой. Спать легли пораньше, чтобы пораньше встать. Меня с утра покормить надо. А дедушка любит поспать. До обеда не растолкать, если поздно ложится.

Разбудил запах из кухни. Дедушка готовил яичницу. Яичницу он так делает, что пальчики оближешь. Обжарит лук с сосисками и помидорами, ударит яйцом о бортик сковородки, разломит скорлупу по трещине и выльет яйцо. Сверху насыплет сырную крошку. Получается вкусно.

— В моем детстве первого мая проходила демонстрация трудящихся, — дедушка разложил по тарелкам яичницу, отломил кусок хлеба, дал его мне, — ешь!

Мы уселись за стол и дедушка, расправив плечи, продолжил:

— Люди собирались и шли по улицам с воздушными шарами и плакатами «Мир», «Труд», «Май». Когда совсем крохой был, меня на демонстрацию не брали. Я залезал на подоконник и смотрел на людей. Колонна как раз мимо нашей пятиэтажки проходила. Подрос и стал от школы принимать участие в демонстрациях. Ходили всем классом. Как-то решили прогулять с другом Колькой народное шествие. Не пойти. У подростков ум в дефиците. Взяли рогатки, залезли на крышу дома и начали стрелять по шарам. Они смешно взрывались. Веселье длилось недолго. Милиционеры вместе с пожарными сняли с крыши нас. Отец вечером за стрельбу по шарам отодрал, как сидорову козу. Недельку в школе стоя учился. Ешь, ешь! Яичница — вещь нужная. Больше мы с Колькой такими глупостями не занимались. Иногда добрая порка ума добавляет. Колька закончил с отличием школу. А у меня со спортом дела сложились. Брал городские первенства по бегу и стрельбе. Мы были не разлей вода, друг друга дополняли. После школы решили обождать с институтом. Хотелось послужить Отечеству и заодно исполнить интернациональный долг. Попросились в Афганистан. Доел? Молодец. Возьми кусок хлеба и собери, что размазал по тарелке. Сейчас фотографии принесу. Мы там с другом Колькой.

Дедушка налил чай и пошел в комнату. За армейскими фотографиями. Такое часто происходит, когда мы остаемся без папы и мамы. Сейчас он придет, разложит передо мной черно-белые снимки и будет по ним водить своим огромным пальцем. «Вот он я, — скажет, — вместе с Колькой, и вот здесь мы вместе, и здесь. А вот здесь я уже один... Как сейчас. Ни Кольки, ни демонстрации, ни трудящихся...» После этого дедушка нахмурится и уйдет к себе в комнату. Я допью чай, напишу в чате друзьям, что могу выйти во двор, и выйду.

БАНТ

Двор гудел, как пчелиный улей. Дети от мала до велика бегали по площадке. Родители стояли в сторонке, разговаривали между собой, поглядывая на них.

Рядом со мной Оксана и Гоша. Гоша учит Оксану, где брать жизни в игре «по три в ряд». У нее никак не получается пройти сложный уровень. Жизни заканчиваются.

В мое поле зрения попала Ленка. На голове все тот же белый бант. Ленку держит за руку взрослый парень. Они идут по тротуару мимо детской площадки. Ленка задрала нос. Поравнявшись с нами, сказала громко, чтобы мы услышали: «У меня брат из армии вернулся и подарил мне белый бант!» Оксана с Гошей оторвались от телефона, обернулись, чтобы посмотреть на Ленку.

Ленкиного брата сразу не узнал. Его не было целый год. Ходил раньше неприметным, будто прятался ото всех. Его сверстники обижали. Звали «Сутулый». Потому что он горбился. От чего казалось, что ниже ростом. Сейчас рядом с Леной шел стройный взрослый парень. Да, это он. Ее брат. Что-то еле уловимое в походке осталось. У них одинаковые с Ленкой походки. Щиколоткой наружу. Как в балете.

Ленка повторила: «Видели, какой бант? Мне его старший брат подарил!» «Видели-видели, — не сдержалась Оксана, — еще в школе!» «У тебя такого банта нет и никогда не будет, потому что у тебя старшего брата нет!» Оксана хмыкнула, толкнула плечом Гошу: «Не смотри на нее!», и они снова уткнулись в телефон. Ленкин брат покачал головой. Ничего не сказал. Они пошли дальше вдоль дома и вскоре пропали из вида.

Виталик ремонтировал скутер. Серёга терся рядом с ним, прикрывая испачканой в машинном масле рукой зевоту. Его родители на трансформаторной будке рисовали Чебурашку. Художники такой народ, который даже в праздники работает.

На дальней лавочке в тенике сидели кассирша из нашего продуктового и рыцарь в камуфляже. Кассирша взяла рыцаря под руку и разглядывала шрам на его голове. Птицы щебетали в кронах позеленевших деревьев ее причудливым голосом.

Вика играла с котенком недалеко от качелей, на которых раскачивалась наша Зинка-Зинаида Михайловна. Качели скрипели, как метроном: уть-ить, уть-ить, уть-ить, будто отсчитывали время. Зинка положила руки на колени, чтобы юбка от ветра не задиралась. Она похожа на выпускницу. Такая же нарядная и счастливая.

Дедушка Оксаны выгнал из гаража свой старенький жигуленок, поднял капот, сложил на груди руки и погрузился в мысли. Бабушка Оксаны кричит ему с балкона: «Чего там? Чего?» Дедушка не отвечает. Его черные брови тучей нависают на глаза. Любопытство бабушки берет верх: «Сейчас спущусь!» «Не надо, — кричит ей Осканкин дедушка, — тебя еще здесь не хватало!»

За площадкой на светофоре переходит дорогу англичанка. Она в строгом костюме. На плече маленькая сумочка. Волосы пучком сложены на затылке. Одна прядь выбилась, и ее ветром колышит. Кажется, что это черный дымок поднялся над пузатой трубой парохода.

«Оксана!» — неожиданно со спины раздался Ленкин голос. Мы втроем, не сговариваясь, одновременно обернулись и увидели Ленку, которая в руках мяла небольшой сверток. Ленка протянула его Оксане: «Мой старший брат дарит тебе белый бант, чтобы он у тебя тоже был». Оксанка чуть не выронила из рук телефон. Гоша успел его перехватить. Оксана взяла у Лены теперь уже совершенно свободными руками сверток и захлопала глазами.

«Ну, ладно, — добавила Лена, — мы пошли дальше гулять...» Она взяла брата, стоящего рядом, за руку и посмотрела на него, будто искала одобрения.

ПАСХА

Церковь у нас прямо за домом. Она похожа на старую школу. Такая же прямоугольная. Сама белая, приземистая, а посередине огромный купол, будто сложенный из чешуек золотой рыбки, тянет ее выше к небу. Вот-вот оторвется от земли и взлетит, подобно облаку.

Дедушка в пятницу покрасил яйца в луковой шелухе, которую собирал весь год. Почистит лук, соберет шелуху и спрячет. Так у него собрался целый мешок. Отец спрашивал: «Куда так много?» А дедушка отвечал: «Про запас!» Мама купила два десятка яиц и принесла ему. Дедушка надел афганскую панаму на затылок, поставил на огонь кастрюлю с яйцами, засыпал шелухой и варил, помешивая воду столовой ложкой.

Минут через десять снял кастрюлю, слил горячую воду, вытащил яйца из вареной шелухи и обдал их водой из-под крана. Холодной. Яйца получились коричневые с красноватым оттенком. Дедушка взял одно, поднял на свет и сказал: «Красота неопишущая!» Потом весь вечер ходил по соседям и раздавал оставшуюся луковую шелуху.

В субботу чуть свет мама собрала яйца в лукошко и пошла в церковь. Освящать. На освящение яиц мама меня не берет. Ходит с Оксанкиной бабушкой. Говорит, народу много, чего детям там толкаться. Отец тоже не ходит. Он терпеть не может в очередях стоять.

Ближе к полудню вернулась. Сказала, что впервые видела в церкви нашу англичанку. Удивилась.

Воскресным утром семья собралась у лукошка с яйцами. Дедушка взял самое здоровенное вперед всех. Оно у него было помеченное. Говорит, по старшенству положено. Мы с отцом нисколько не противились. Взяли себе те, что под руку подвернулись и устроили яичные бои.

Дедушка хитрый. Обхватил могучей ладонью свое яйцо и побил наши. Сначала мы бились острыми концами, потом тупыми. Но все равно дедушке проиграли. Дедушка выкатил грудь колесом и ходил довольный.

Обеденное время еще не наступило, да и есть не хотелось. Я положил побитое яйцо назад в лукошко, взял себе по паре в каждую руку новые и побежал во двор. Там уже во всю кипели яичные бои.

Побил дедовским способом оксанкино яйцо и гошино. У Серёги яйца не было. Дал ему одно из прихваченных про запас и тоже побил. Серёга сказал, что я ему специально слабое яйцо дал. Тогда я дал ему еще одно и тоже побил. Серёга расстроился и тут же оба яйца съел.

У меня еще одно целое оставалось. Оглядел двор в поисках человека, которому можно было бы его предложить. Увидел оксанкиного дедушку. Он крутился возле своей развалюшки. Предложил побиться. Оксанкин дедушка отказался. Сказал, что с детьми не бьется. Оксанкина бабушка, наблюдавшая за нами с балкона, крикнула: «Возьми яйцо у ребенка, нехристь. Он тебе Христосе Воскресе желает!» Оксанкин дедушка проворчал что-то себе под нос и взял. Мы ударились... Я так сильно хотел победить, что пережал в кулаке яйцо, и оно у меня развалилось. Оксанкин дедушка поднял над головой свое победное, посмотрел на балкон, где стояла бабушка, и крикнул: «К борьбе за дело коммунистической партии всегда готов!» Оксанкина бабушка перекрестилась и махнула рукой, дескать, ну и Бог с тобой.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТОЧКА

На шестнадцатилетие брату Виталика подарили скутер. Серебристый. До этого он гонял по дворам на электросамокате. Теперь электросамокат по праву наследования перешел к самому Виталику. Только Виталик на нем не катается. Говорит, что интереса нет. Когда у него не было личного самоката, тогда интерес был, а сейчас пропал куда-то. Зато появился интерес кататься на скутере. Только не разрешают. Потому что мал еще. Приходится терпеливо расти. Иногда брат катает его. Но такое случается редко. У старших братьев свои дела. Некогда младших катать. Виталик расстраивается.

— Прокати, ну прокати... — просит брата.

— Некогда! — отвечает брат.

Виталик топает ногой и злится:

— Пусть он развалится под тобой!

— Мне новый купят, а тебе разваленный по наследству перейдет! — смеется брат и уезжает на карьер с друзьями. Катать девчонок.

Если скутер не заводится, Виталик помогает брату отремонтировать его. Со всей ответственностью. Боится, что по наследству перейдет сломанный скутер. А еще Виталик считает количество царапин после того, как брат возвращается с карьера, и ворчит, как старый дед, если оно увеличивается.

Виталик относится к скутеру, как к своему собственному. Протирает его каждый вечер, осматривает. В общем, бережет. Сегодня повязал на руль георгиевскую ленточку и сказал: «На счастье!» Без георгиевской ленточки, тем более накануне Дня Победы, нельзя ездить. Примета плохая.

Раньше Виталик привязывал георгиевскую ленточку на руль самоката, а теперь привязывает на руль скутера.

Уверен, что самокат перешел по наследству к Виталику в сохранности только благодаря этому. Когда его брату подарят автомобиль, он будет привязывать георгиевскую ленточку на руль автомобиля. Таким образом Виталик соберет себе целый автопарк невредимых транспортных средств. Только ездить все равно на автобусе будет. Я же знаю. Потому что вот такой человек этот наш Виталик.

МАТЬ ГЕРОЯ

Англичанка рассеянная последние две недели. То выпадет карандаш из рук, то тетрадка. Ходит на высоких каблуках неуверенно. Непонятно куда делась былая строгость. Раньше взглядом к парте прибивала, а сейчас глаза на мокром месте, как выразилась бы моя мама. Потому сильно удивился, когда англичанка заметила, что Оксана не слушает ее — смотрит в окно и ворон считает.

— Григорьева, о чем думаем?

— Я не Григорьева, — ответила Оксана, — я — Петрова. Оксана Григорьевна Петрова.

— О чем думаем, Оксана Григорьевна? — ничуть не смутившись, поправила англичанка.

— О войне.

— На моих уроках об английском языке думают. Убираем посторонние мысли из головы.

— Разве могут быть мысли посторонними, Светлана Валентиновна? Мысли в моей голове, значит, они мои, а не посторонние.

— Перестаем пререкаться, Петрова. Переключаемся на урок... — после некоторого замешательства попросила англичанка — На чем остановились?

— На том, что мои мысли не могут быть мне посторонними.

Англичанка смутилась. Казалось, что она не понимает, где находится и что должна делать. Потом будто вспомнила, встрепелась и уверенно произнесла:

— Хорошо, Оксана Григорьевна. Давайте разберем ваши мысли. Расскажите о них.

— Все говорят, что война — это плохо.

— The correct statement, — отреагировала англичанка, пытаюсь вернуть класс в русло урока.

— Война наступает в тот момент, когда человек начинает сопротивляться злу. До тех пор, пока терпит унижения, войны нет. Но стоит ему попытаться отстоять свое человеческое достоинство, приходит время войны. Значит, время войны — это все-таки хорошее время?

— Война — это плохо. War is bad. It is necessary to speak English.

— Я хочу говорить на русском языке!

— Вернемся к уроку. Вам пока еще рано думать о войне. Потом. Когда повзрослеете, можете думать о чем угодно.

— Светлана Валентиновна, война идет сейчас. Я должна сейчас понять, а не потом, когда повзрослею. Когда повзрослею, может, и война закончится, и я буду о другом думать. Вот, смотрите, Светлана Валентиновна, иду я как-то с Победоносцевым из школы, и нам преграждает дорогу Немец.

— Какой еще немец?

— Ну, Немцев.

— Немцев обидел вас?

— Нет, Светлана Валентиновна, это я к примеру.

— We're listening. Tell me more.

— Немцев, к примеру, — Оксана сделала ударение на словах «к примеру», — обижают Победоносцева, и пока Победоносцев терпит, войны нет. Но если Победоносцев дает отпор, начинается драка. Война.

— Мальчики подрались?

— Нет. Победоносцев не может дать отпор. Немцев старше и сильнее. Поэтому я позвала на помощь Донского. Простите, Донских.

Я с гордостью посмотрел на Гошу. Мне нравилось, что выглядел героем в глазах Оксаны. Гоша поджал губы. Ему досталась роль мальчика, которого обидели. Задевало самолюбие.

— Мальчики подрались? — Светлану Валентиновну беспокоил только этот вопрос.

— Нет же, это я к примеру. Так вот, приходит Донских, и они вместе с Победоносцевым дают отпор Немцу. Получается, что начинают боевые действия. Значит, война призвана защищать слабых. Значит, война — это хорошо...

— Я не слабый, — отчеканил Гоша.

Класс затих. Мы впервые так остро коснулись той темы, которая всех волновала. Взрослые отмахиваются, если спрашиваем о войне: «Вы еще маленькие. С вами рано говорить о таких сложных вещах». Но какие же маленькие? Вон, Гоша видел войну своими глазами. Значит он в каком-то смысле постарше Светланы Валентиновны будет, и уж кто-кто, а он имеет полное право говорить о ней. И мы тоже. Потому что война здесь и сейчас, а не потом, когда повзрослеем.

— War is bad, — повторила Светлана Валентиновна. Ей больше нечего было сказать.

— Нет, война — это хорошо! Если бы не было войны, если бы отец Победоносцева не пошел на фронт, он бы не смог защитить своего сына, и тогда не было бы Победоносцева. А как бы я жила? Кто бы мне каждый день в школу конфеты приносил?

— War is bad. Оксана Григорьевна, перестаем пререкаться с учителем, иначе я буду вынуждена пригласить в школу ваших родителей... Вашего дедушку и вашу бабушку. Пожалели бы их.

— А моих дедушку и бабушку жалеть не надо. Их надо любить и уважать. Они меня в обиду не дадут! Вы не можете молчать о войне, делать вид, что нет ее, когда она есть. Когда отец Победоносцева защищает нас, чтобы мы спокойно учились. Он всех защищает. А нам не разрешают говорить об этом! Он и вас защищает...

Англичанка не сдержала слез. Полились ручьем. Она подошла к своему столу, взяла сумочку, открыла ее, поддев трясушимися пальцами замок, достала салфетки и попыталась вытереть глаза. Туш размазалась. Страшно смотреть. Белки красные, вокруг глаз черным-черно. Англичанка поняла, что выглядит плохо и вышла из класса.

До конца урока сидели молча. Прозвенел звонок. Кто-то сказал: «Ну и выдала Петрова! Будет ей...»

На перемене Оксану вызвали к директору. Вернулась потерянной. Мы с Гошей сразу к ней: «Что тебе будет?» «Ничего, — дрожащим голосом произнесла Оксана. — Светлана Валентиновна мать героя. У нее сын мобилизованный. Полтора года на войне. Она две недели не знает, что с ним. Никаких известий».

КАК СОЛДАТЫ

Генеральная репетиция утренника прошла без приключений. Мы были подготовлены. Зинка слушала нас и радоваться не могла.

Немец выучил стихотворение. Вышел маршевым шагом на сцену, повернулся лицом к зрительному залу — подбородок высоко, руки по швам — и бодро прочитал. Зинка начала говорить, что стихотворение «Жди меня» надо читать по-человечески, а не как робот. Немец замахал руками: «Это про войну, значит, надо читать, как прочитал бы солдат!» Она не стала спорить. Если уж хочет Немец быть похожим на такого солдата, пусть будет похожим на такого.

После репетиции сидели втроем — я, Оксана, Гоша — во дворе школы и обсуждали фиолетовую голову Немца.

— Не бывает солдат с фиолетовыми волосами, — сказал я.

— Не бывает, — поддержал Гоша.

— Как ни вставай по стойке смирно, если у тебя фиолетовые волосы, ты никогда не будешь похож на солдата, — заключила Оксана.

— Солдаты коротко стригутся, — продолжил я.

— Под машинку, — со знанием дела высказался Гоша.

— Вы тоже не похожи на солдат, — грустно произнесла Оксана, оценив длину моих и гошиних волос.

— Совсем не похожи, — даже я начал впадать в отчаяние.

— До утренника осталось день простоять и ночь продержаться, а мы не стрижены, — по-умному выразился Гоша.

— Я вас подстригу, — сказала Оксана, — умею. Раньше кукол стригла, получалось.

Обсудили, что саму Оксану стричь не надо. Потому что она исполняет роль санитарки. А санитарки ходят на войне с косичками. Это мы видели на старых фотографиях.

Машинку для стрижки решили взять у моего отца. Он покупал себе еще два года назад, когда первый раз военный рюкзак собирал. Так и лежала без дела. Теперь пригодится.

Стрижку запланировали на пять часов вечера — через полчаса — у Гоши дома. У меня и у Оксаны дома дедушки. Не дадут спокойно подстригаться. А мама Гоши на работе. Полная свобода действий. На том и разошлись, чтобы перекусить, переодеться и «прибыть к назначенному сроку для приведение головы в надлежащий вид», как сказали бы настоящие военные.

На всех парах прибежал к себе. Переоделся. Схватил пару бутербродов. Проглотил, не жуя. Сказал дедушке, что нужна отцовская машинка для стрижки волос. Дедушка моргнуть не успел, как я вошел в ванную комнату, взял ее, сунул в карман и выбежал из дома. Услышал, что дедушка крикнул мне вдогонку: «Не безобразничай!» «Слушаюсь!» — по-солдатски ответил ему.

Во дворе ждала Оксана. С горящими глазами. Говорит, что перекусывать не стала. Переодеваться тоже. Торопилась. Взяла только бабушкин кухонный фартук. Наденет, когда стричь будет. Потом отряхнет от волос и все.

Гоша собрал в подъезде у почтовых ящиков газеты с рекламой. Со знанием дела разложил посередине комнаты. На разложенные газеты поставил стул. Так его мама делала, когда стригла его. В прифронтовом поселке, где они жили раньше, до переезда в Россию, не было парикмахерских.

Гошу Оксана быстро подстригла. Я посмотрел на него и начал переживать. Он был подстрижен кусками. Где-то волосы были, а где-то их вовсе не было. Но Оксана осталась довольна своей работой. Потому промолчал.

Настала моя очередь. Я сел на стул и зажмурился. Вжих — мне казалось, что надо мной летят самолеты, крыльями задевая голову. Вжих — мне казалось, что взрывная волна от упавшего рядом снаряда с корнем вырывает мне волосы. Вжих — мне казалось, что я на войне, а не дома у Гоши. Это фашисты крутили мне голову так, что шея в узел завязывалась. Это фашисты пытали меня, дергая за уши. Я молчал, как воды в рот набрал, ни слова не проронил, ни слезинки. Прошла целая вечность... Сидел, как железный, пока не сказала Оксана: «Готово!» Я выдохнул. Открыл глаза. Посмотрел на Гошу. Гоша посмотрел на меня. Мы посмотрели друг на друга. Как смотрятся в зеркало. Посмотрели и засмеялись. Оксана отошла чуть подальше, чтобы как бы со стороны оценить свою работу и, слегка покраснев, произнесла: «Какие же вы одинаковые! Только знаете что... На солдат вы еще меньше стали похожи...»

Мы с Гошей хохотали друг над другом, а Оксана переживала, что солдатские стрижки не получились: «Я все испортила... Как вы в таком виде будете завтра стихи читать?!»

На счастье Гошина мама вернулась с работы. Мы рассказали ей, что хотели быть как солдаты. Но чего-то не получилось. Оксана сидела в уголке и слова не говорила. Вот-вот заплачет. Гошина мама успокоила ее: «Не переживай, сейчас исправим. Сделаем стрижку призывников!»

Минут через пятнадцать мы с Гошей были как настоящие новенькие солдаты. Когда вернулся домой, дедушка так и сказал: «Прямо как новенький!»

УТРЕННИК

Чтобы не смущать школу новой прической, дедушка предложил мне надеть на утренник свою афганскую панаму. Мама с вечера подшила ее. Стала в самый раз. Отец оценил: «Василий Тёркин в афганской панаме на специальной военной операции. Связь времен!»

Написал об этом в чате Гоше с Оксанной. Гоша ответил, что придет на утренник в камуфляжной кепке. Тоже не хочет смущать школу. Оксана долго молчала, не отвечала. Ближе к ночи ответила: «Простите, мальчики. Я так хотела вам помочь!» Но мы на нее не обижались. Как получилось, так получилось. Еще Оксана написала, что будет из солидарности с нами в солдатской пилотке времен Великой Отечественной. В пилотке и с бантами. Белыми роскошными бантами, которые подарил ей Ленкин брат.

Мы стояли за кулисами и волновались пока зрители собирались в зале и рассаживались по местам. Больше всех волновалась Зинка. Без конца теребила пуговицу на своей цветастой кофточке. Немец сидел один в сторонке с красным лицом, фиолетовой головой и хитрыми глазами. Я раздвинул краешки занавеса и смотрел на зрителей.

Учителя приводили ребят целыми классами. Младшеклассников сажали поближе. За ними садились старшеклассники. А в самом конце зала рассаживались родители.

Увидел своих в полном составе. Гошину маму. Бабушку и дедушку Оксаны. Пришли родители Немца. Сели в самом центре зала, как почетные гости.

Начало прошло гладко. Зал то и дело взрывался аплодисментами. После того, как прочитал отрывок из «Василия Тёркина», дедушка закричал с места: «Молодец, Тёркин!» Ох, чувствую, теперь меня Оксана Тёркиным называть будет, а не Донским.

Настало время театральной композиции. Гошу ранило. Оксана оказала ему первую медицинскую помощь. Пришла эвакуационная группа в лице Серёги с Виталиком и вынесла Гошу за кулисы. На сцене появился Немец. Засунул руки в карманы, посмотрел в зрительный зал и закричал: «Нет войне!» Зинка от ужаса лицо потеряла, всплеснула руками и застыла. Зрительный зал онемел. Директор школы пошел пятнами. А мама Немца начала громко хлопать и кричать: «Браво!» Но когда заметила, что отец Немца, сидящий рядом, нахмурился, то хлопать перестала. В зале на мгновение воцарилась гробовая тишина.

Я наблюдал за зрителями. Первое о чем неожиданно подумалось, так это о том, что летом в школе установят новые окна. Мысли были столь неожиданными и плохими, что я тут же прогнал их. Решил думать о другом. О том, как тяжело сейчас нашему «слону» Зинке. Англичанки в зале не было. Сказали, что ее сын нашелся. Лежит в госпитале. С ранением. Она поехала к нему.

Гробовую тишину прервал голос отца Немца. Он встал, посмотрел на маму Немца, потом виновато обвел глазами зрительный зал и снова посмотрел на маму Немца: «Что это было?» Спросил он тихо, но так, что было слышно за кулисами. «Наш сын пацифист, — сказала мама Немца, — Егорушка! Он хочет мира!» «Мира надо было хотеть до войны. Во время войны хотят победы, и ничего больше... Ты научила?» «Почему я? Он сам. Сам-сам, Егорушка», — залепетала мама Немца. Было понятно, что соврала. «Я тебе не Егорушка, а Егор Степанович, — отрезал Егор Степанович, поправив сдавивший горло галстук. — Работаю двадцать четыре на семь, чтобы вас прокормить и на фронт отправить лишнюю машину с гуманитарным грузом. Передать солдатам еду, одежду, обувь. А мой сын устраивает такие демарши, да еще на утреннике в честь величайшего дня в истории нашей страны. Всех подвел». «Никого не подводил он, Егоруш... Егор Степанович», — продолжала лепетать мама Немца. «Он подвел меня, моего деда — своего прадеда, который погиб на войне, защищая Родину. Он подвел своих товарищей, которые вышли сегодня вместе с ним

на сцену, чтобы почтить память наших дедов. Он подвел всех... Простите!» Последнее слово отец Немца произнес, обращаясь к зрительному залу. Немец разревелся. Спрыгнул со сцены и выбежал из актового зала.

Снова воцарилась гробовая тишина. На сцену вышел Гоша, переключив внимание зрителей на себя. Вышел с перебинтованной головой и прочел стихотворение, которое должен был читать Немец. «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Он читал его так, как прочитал бы его отец его маме. Как настоящий солдат. По-человечески.

ОТЕЦ

Выходные затянулись. Соскучился по школе. Мама уложила меня пораньше, чтобы выспался. Но я все равно долго не мог уснуть. Родители сидели на кухне и о чем-то разговаривали. Слышно не было. Но когда ночью вставал, выглядывал из своей комнаты, видел там свет и сквозь стеклянную кухонную дверь их силуэты. Иногда слышал, как дедушка ходил по коридору. На кухню, потом обратно в свою комнату. На кухню и обратно.

Солнце во всю светило, когда решил просыпаться. Пошел в ванную и заметил в прихожей собранный отцовский рюкзак. Наскоро умылся, почистил зубы. Родители, скорее всего, так и просидели на кухне всю ночь. Зашел к ним сказать доброе утро. Мама стояла у окна с зареванным лицом. Отец — посередине кухни в камуфляже с иголки.

Мама бросилась ко мне: «Скажи, скажи хоть ты ему!» Я не понимал, что должен был сказать. Посмотрел на отца. По нему было понятно, что гордится собой. Он был действительно красив, строен и силен в новой одежде. Плечи стали шире, спина ровнее, голова выше. Не оторваться. Я сжал правую руку в кулак и показал большой палец отцу. Отец усмехнулся: «Мой сын!»

На кухню зашел дедушка: «Присядем дружно, чтобы удача не покидала Ивана...» Мы сели каждый на свою табуретку. Потом отец встал: «Мне пора!» Мама повисла у него на шее и снова зарыдала. Я подошел и обнял их. К нам присоединился дедушка. Так мы простояли минут пять, не отрываясь друг от друга. Я думал о том, что теперь мои воспоминания из детства будут похожи на Гошины.

«Ну, все, все... — сказал отец. — Долгие проводы — лишние слезы. — Он посмотрел мне в глаза. — Береги маму. Я быстро...» Слова «я быстро» прозвучали неуверенно. От того мне стало грустно. Невообразимо грустно. В горле запершило. Вот-вот и подбородок начнет трястись. Но я знал, что мальчики не плачут, поэтому всеми силами сдерживал слезы.

Отец закинул рюкзак на одно плечо и снова произнес: «Я быстро, слышите меня, быстро. Провожать не надо». Подмигнул нам и шагнул за дверь. Мама хотела выбежать за ним. Дедушка остановил: «Не надо, доченька, не травми себе душу. Мужчина сказал, мужчина сделал. Женское дело ждать и детей воспитывать».

Мы подошли к окну, выходящему во двор. С трансформаторной будки улыбался прохожим Чебурашка в бронежилете. Во дворе стоял рыцарь с кассиршей из нашего продуктового. Кассирша висела на шее рыцаря, как моя мама только что висела на шее отца. Подъездная дверь хлопнула. Мы увидели отца. Он дал рыцарю «пять», как мы с Гошей при встрече даем «пять» друг другу. Рыцарь поцеловал кассиршу, кивнул отцу, и они пошли. Быстрым уверенным шагом. Так уходят на фронт только настоящие солдаты.

Прозаик. Родился в 1978 году в Нижнем Новгороде (тогда — Горьком), в 2001 году окончил инженерный физико-химический факультет Нижегородского Государственного Технического Университета. Публикации в журналах: «Нева», «Континент», «День и Ночь», «Крещатик», «Волга», «Урал», «Звезда», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Дети Ра» и др. Автор книг стихов «Другое лето» (издательство «Литера», Нижний Новгород, 2015), «Фигуры речи» (ЭКСМО, Москва, 2021), сборника рассказов «Науки юношей» (издательство «ДЕКОМ», Нижний Новгород, 2018).

ТЕНЬ НА ЛУНЕ

(Рассказ)

Однажды, когда Сомов был моложе и еще легок на подъем, случилось ему побывать проездом в одном совершенно незнакомом заштатном городишке. Городок был пыльный и какой-то пустой, вокруг не было ничего — ни хорошего леса, ни речки, ни озера, ни холмов, — только бескрайние во все стороны поля, пересекаемые грунтовыми дорогами, и городок стоял как бы на их перекрестье. Зачем, когда и кем он был здесь построен, не знали даже в краеведческом музее, куда Сомов забрел, в ожидании, пока откроется гостиница, где он собирался поселиться. Приехал он хотя и не слишком рано, но приезжие были здесь такой редкостью, что гостиница, если не было постояльцев, стояла закрытой до двух часов дня, а потом приходила сонная женщина, отпирала ее, сидела за конторкой часов до семи вечера, пока на автовокзал не прибывал последний автобус, и если и на нем никто не приезжал, то снова запирала ее до следующего дня и уходила домой. Гостиница на весь город была всего одна, располагалась прямо напротив автовокзала, и Сомов был теперь здесь единственным постояльцем. И та самая сонная женщина, заселяя его, вручила ему ключи не только от номера, но еще и дубликаты ключей от самой гостиницы, так как не намерена была только из-за него провести здесь всю ночь, и опять ушла домой до следующего дня. Таким образом, он оказался единственным жильцом двухэтажного особняка.

Собственно, в самом городке у него не было никаких дел, но дорога была так утомительна и однообразна, такие тоска и безнадега накатили на него вдруг из-за этих бескрайних и выжженных солнцем пейзажей, которые никак не хотели заканчиваться за окном, что казалось, будто автобус совсем никуда не движется, да еще и такая духота была в салоне, что не мог он больше сидеть на одном месте, почувствовал, что надо ему денек-другой передохнуть, подумать, «залечь на дно, забиться под корягу», и вот именно в таком захудалом городишке, где и его никто не знает, и он никого. Благо, дела были не слишком срочные, и дня два или три у него в запасе точно имелось. Словом, захотелось пошататься, побродить, телефон отключить обязательно, ни о чем не думать. Но против ожидания, тоска и тут

догнала его и накатила еще больше. Городок был пустой, пыльный, улочки какие-то кривые и безлюдные, от зноя спрятаться было негде — ни одного приличного сквера или сада, и собачий лай из-за заборов частных домов был слышен чаще, чем человеческая речь. На окраине дымила какая-то полуразвалившаяся фабрика. В общем, для шатаний хватило всего одного дня, а следующий он решил просидеть безвылазно в номере, благо вокруг гостиницы как раз был небольшой сквер, даже с фонтанчиком, и старые липы давали вполне приличную и густую тень.

Вечером, поужинав в привокзальном буфете, он вернулся в «свой особняк», принял «вахту» у сонной хозяйки, пожелал ей доброй ночи, закрыл гостиницу изнутри, поднялся в свой номер на втором этаже и рухнул на постель, не раздеваясь. Вечерняя прохлада сменяла изнуряющую дневную жару. Побелка и обои в номере все были в маленьких кровавых кляксах — следы «браконьерской» охоты на комаров прежних постояльцев. Он принялся бесцельно бродить взглядом от одной кляксы до другой, изучая их россыпь, словно карту звездного неба, думая о прежних жильцах, которых так замучил назойливый комариный писк, что они всю ночь вместо того, чтобы спать, метались по комнате со свернутой газетой, наверное, или с чем там еще?.. И вдруг вспомнилось детство. Или уже приснилось? Было ему тогда лет пять или шесть, приехали они в Боголеповку, знакомиться с деревенской родней отца и угодили аккуратно на свадьбу или на похороны, в общем, на что-то такое. Да, скорее всего на свадьбу. Большой деревенский дом был полон народу. Был долгий и шумный день. А потом все укладывались спать, и ему постелили в сенях, на огромных сундуках, потому что там прохладнее, а было такое же жаркое лето. Двери в комнаты оставили открытыми — и чтобы он не боялся, и чтобы прохлада из сеней доходила в дом. А проснувшись ночью, он вдруг понял, что совершенно один в этом огромном деревенском доме: из комнат не было слышно ни храпа, ни сопенья, ни шепота, вообще ничего, вообще никаких человеческих звуков. Это было настолько удивительно, загадочно и страшно, что он даже не испугался. Просто сидел и прислушивался. Ничего. Тишина. А потом было слышно, что кто-то постучал в окно снаружи, и опять из комнат никто не откликнулся на этот стук. Потом этот кто-то долго ходил вокруг дома, снова стучал в другие окна, и опять в комнатах никто не проснулся, не подошел к окнам, посмотреть, кто там. Во дворе залаяла собака, но тоже как-то сонно и неохотно, словно это ей приснилось, что вот кто-то ходит вокруг дома и стучит в окна. Где-то далеко и жалобно просвистела электричка. Потом кто-то спросил у него под окном:

— Это вообще, что за станция?

И кто-то ответил:

— Боголеповка должна быть... или Олониха.

— Странно, — снова сказал первый, — никогда не слышал. Не было тут таких деревень.

— Ладно, пойдем, — сказал второй. — Не деревня, а какая-то тень на Луне.

И они ушли. И уходя, кто-то из них все время сетовал, что вот еще и спички отсырели, а спросить не у кого. Но этого уже, конечно, не было слышно. Это уж точно приснилось.

А утром в доме снова было полно народу: отец уже обливался из шланга в огороде, хозяйка дома, старая Кирилловна, вместе с невесткой, молодой Кирилловной, гремели на кухне сковородками, горшками, ухватами; кто-то все время ходил в сенях: то из дома на улицу, то с улицы в дом; наконец мать пришла его будить. Он так и не спросил тогда, где они все были той ночью. Только заплакал, увидев ее. И она очень удивилась, и стала его обнимать, успокаивать, ласкать, называть «маленьким сомиком», целовать в макушку... Насколько давно все это было, столько лет он об этом не думал, не вспоминал тот случай,

тот день и ту ночь в Боголеповке, что теперь, и правда, все это превратилось в какую-то тень на Луне.

Проснулся он от того, что кто-то внизу, на улице, барабанил в запертые входные двери гостиницы. И барабанил так громко, и ругался так сильно, что даже здесь, во втором этаже, дребезжали и ходили ходуном не только оконные стекла, но и чайная ложечка в стакане звенела, словно в едущем вагоне. Сомов вспомнил, что уходя, сонная женщина без тени смущения попросила его встретить постояльца, который прибудет сегодня ночью. Номер был забронирован еще неделю назад, она его подготовила, вот ключи, тоже на втором этаже, но раз такая удача, и теперь в гостинице живет еще и он, то ей, конечно, нет смысла сидеть тут до полуночи, тем более дома полно дел, да и внучку оставить не с кем. Вот, ключи, держите. Держите же! И смотрите не усните! Сомов, конечно, ошалел от такого хамства, но он так устал, так был измотан дневной жарой и бесцельным шатанием по городу, и так хотелось побыстрее избавиться от этой неприятной женщины и остаться, наконец, одному и завалиться спать, что у него не было никаких сил сопротивляться ей, и он, взяв ключи, пробурчав дежурное «доброй ночи», чуть ли не вытолкнул ее за двери. Теперь вот постоялец прибыл и был справедливо возмущен тем, что гостиница заперта. Вдохнув, Сомов поплелся на первый этаж открывать. Открыл дверь и сразу узнал Гусева. Но еще он до такой степени не проснулся, что даже несколько не удивился этому, а только подумал: «Гусь». И пока Гусев ругался, на чем свет стоит, приняв его за консьержа и пытаясь всучить ему свои чемоданы, Сомов разглядывал его в каком-то немом отупении, отмечая, что тот почти совсем не изменился за эти годы, — хотя, конечно, стал больше ростом, заматерел, веснушки вот исчезли, а уши, например, такие же оттопыренные, — и еще только-только начинал удивляться эдакой негаданной встрече, черт знает где, в каком-то забытом богом городишке, на краю географии. Наконец, поток ругательств иссяк, и Гусев впервые внимательно взглянул на «консьержа». И вдруг тоже узнал Сомова.

— Твою дивизию! — только и мог сказать он, присвистнув от удивления. — Ты как здесь?

— Да так, — ответил Сомов, зевая, — проездом.

Ночь, конечно, прошла в разговорах. Завалились в номер Гусева. Он забронировал себе «люкс», но «люкс» этот был точно такой же, как номер Сомова, с теми же кляксами от убитых комаров по стенам, с теми же разохшимися деревянными оконными рамами, с такой же облупившейся белой краской на них и на дверях, с такими же кашляющими и чихающими ржавчиной водопроводными кранами и осклизлыми, почти дырявыми трубами. С тараканами, конечно же, куда ж без них. Вся его «люксовость» заключалась только в том, что холодильник был до отказа забит разнообразной едой, вернее закуской, нашлась там, в морозильнике, даже бутылка водки местного разлива, и столик был уже сервирован для ужина. Бутылку водки Гусев, изучив этикетку и презрительно хмыкнув, засунул обратно в морозилку, а на стол выставил собственный «арсенал» — дорогие коньяки и литровую бутылку виски.

И пошли разговоры. Под первую, под вторую, под третью. И чем дальше, тем громче, развязнее, веселее. Неизвестно, получился бы у них такой разговор, если бы встретились они дома, а не здесь, в чужом городе? Скорее всего, нет. А здесь почему-то было ощущение, что прежняя жизнь кончена, началась новая, в которой все позволено, и прежние тайны и недомолвки не имеют теперь никакого значения, и можно все рассказать, обо всем расспросить, словно все, что было, было не здесь, или все это, бывшее с ними когда-то, теперь тоже стало тенью на Луне.

Гусев много курил, и был так мужественен с сигаретой, всегда так красиво прикуривал, затягивался, держал ее, так ловко ударом указательного пальца сшибал пепел, что некуря-

щий до сих пор Сомов, захмелев и засмотревшись на Гусева, залюбовавшись им, тоже выкурил сигарету, закашлялся, едва не задохнулся, но через какое-то время снова потянулся за второй, потом за третьей.

— Козлов, представляешь, — падла, а Ерёма — змея! — говорил Гусев.

И захмелевший Сомов понимающе кивал, соглашался, хотя ни Козлова, ни Ерёму он вообще не помнил, а если даже и помнил, то настолько смутно, что еще неизвестно было, тех ли самых, о ком говорит Гусев, или, может быть, это были вообще другие люди.

А пьяный Гусев все рассказывал и рассказывал, говорил и не мог остановиться. И уже было не разобрать, где правда, а где — пьяный треп. Говорил, например, что он теперь стал деловым человеком, что приехал в этот занюханный городишко, чтобы разместить крупный заказ на местной фабрике, который они сделают раза в два дешевле, чем «у нас», да еще и рады будут, потому что все равно сидят без работы. А сам заказ он увел из под носа у собственной фирмы, убедив Козлова и Ерёму, что он слишком крупный, и они все равно не справятся, и надо отказываться. А теперь весь куш его, а им — шиш. А так им и надо — будут знать, как у него за спиной шуры-муры крутить.

Потом снова пили и опять вспоминали общих знакомых. Вспомнили почему-то Динару Хатубееву, тихую и милую девочку, всегда сторонившуюся их шумной студенческой компании, и которая всегда опускала глаза, когда мальчики пытались с ней заговорить, и отвечала еле слышно, если вообще отвечала, и которую за все это прозвали Хотьубеевой, и всем так понравилась эта «Хотьубеева», что даже преподаватели иногда так к ней обращались, а она даже не понимала, что это шутка такая, потому что русский был у нее не родной, и она на слух просто не различала эти два слова, и «Хатубеева» и «Хотьубеева» звучали для нее одинаково. А теперь вот оказалось, что оба они были в нее влюблены, а Гусев даже и записки ей писал, на которые она, конечно, — хоть убей — не отвечала, если вообще читала их, а не выбрасывала, даже не развернув.

Вспомнили и несчастного Михал Михалыча, лаборанта на кафедре физики, который погиб у них на глазах: поскользнулся, выходя из автобуса, и угодил прямо под колеса. А была зима, автобус еще скользил на лысой резине, а двери уже распахнул. А перед тем Михал Михалыч прямо в автобусе, никого не смущаясь, ел тушенку из консервной банки, чем насмешил даже водителя, который, объявляя в микрофон следующую остановку, заодно пожелал ему «приятного аппетита». Тем Михал Михалыч и запомнился. Еще тем, что был похож на галчонка, имел огромный, действительно похожий на клюв нос, на котором носил очки с толстенными линзами, и всегда утопал в своих каких-то безразмерных свитерах, джемперах, кофтах, надевая их в несколько слоев.

Вспомнили еще декана, у которого тоже была смешная нерусская фамилия, и которую студенты никак не могли правильно запомнить. И даже сейчас, спустя столько лет, Сомов с Гусевым заспорили, как будто это имело решающее значение, и все зависело от того, правильно ли они ее вспомнят.

— Уфлянд! Говорю тебе — Уфлянд! — уверял Сомов.

— Нет, Ульфанд, — не соглашался Гусев.

Потом они путались, или уже языки у них заплетались от выпитого, и уже Сомов доказывал, что фамилия декана была Ульфанд, а Гусев наоборот стоял на своем, как скала — Уфлянд и все тут. Хотели даже позвонить Батищевой, «Бате», которая все пять лет была у них старостой, и которая уж, конечно, должна была помнить, как правильно, но то ли номера ее телефона не нашли с пьяных глаз, то ли она, скорее всего, просто не взяла трубку среди ночи. Вдруг Гусев, на чем свет стоит, принялся ругать «этот гадкий коматозный горо-

дишко, из которого вот уже три года никуда невозможно уехать, где все и живут в каком-то вечном коматозе, словно на Луне».

— Не город, а тень на Луне, как сказали бы эти... Уфлянд с Ульфандом.

И Сомов как будто даже протрезвел на мгновение, потому что вспомнил, что декан действительно так говорил, что это было его выражение, и означало оно у него нечто несуразное, невозможное, неосновательное, настолько зыбкое и недостижимое, что только покривишься: а, тень на Луне, да и только. Или если вдруг студент на экзамене начинал путаться, сбиваться, нести околесицу, он тоже мог так сказать: «Ну, это, отец родной, совсем уж какая-то тень на Луне!» Но когда-то давно, когда Сомов впервые услышал от него это выражение, он совсем забыл про Боголеповку. Ему и в голову не пришло связать те два случая. А теперь выходит, что это он, их будущий декан, был тогда в Боголеповке одним из тех, кто ходил вокруг дома и стучал в окна, чтобы спросить спичек. Или он, или кто-то из его бывших студентов... Или наоборот кто-то, у кого он в будущем перенял это выражение. Почему-то это странное совпадение настолько поразило Сомова, что еще несколько минут он сидел молча, пытаясь снова и снова все это осознать и как-то сопоставить у себя в голове, прикидывая возраст декана, когда они уже поступили, и сколько тогда лет ему могло быть там, в Боголеповке.

Когда, наконец, он как-то со всем этим разобрался, Гусев уже дрых без задних ног поперек кровати с тлеющей сигаретой. Сомов взял у него сигарету, не найдя ничего более подходящего, затушил ее в остатках какого-то салата, подложил Гусеву под голову подушку и потащился к себе в номер, благо тот был здесь же на этаже, через два или три пустых номера.

Добравшись, наконец, до своей постели, Сомов рухнул на нее так же, не раздеваясь, и все сразу столпились у него во сне: те двое из Боголеповки с отсыревшими спичками, Динара Хатубеева, Михал Михалыч, Уфлянд и Ульфанд, сам Гусев, и даже какие-то неведомые ему Козлов и Ерёма, крутившие за спиной у Гусева «шуры-муры» и теперь должны понести наказание в виде «уплывшего» от них крупного куша.

Проспал он почти до полудня, даже дольше, а разбудил его гневный звонок Батищевой. Она была справедливо возмущена ночными попытками дозвониться до нее, ругалась, на чем свет стоит, говорила, что она давно замужем и ей «вот этого всего» даром не надо. Сомов, как мог, извинялся и оправдывался, попутно пытаясь вспомнить, зачем же они с Гусевым ей звонили. Наконец, в мозгу вспыхнуло, словно два семафора: Уфлянд или Ульфанд? Батищева на минуту «зависла», а потом, пропустив мимо ушей вопрос о фамилии декана, во всяком случае, не ответив на него, даже не возмущившись, что ее побеспокоили по такому пустяшному поводу, как-то недоверчиво спросила:

— Кого, ты говоришь, там встретил?

— Гусева, — ответил Сомов и почему-то решил уточнить, — Гуся.

Батищева снова замолчала на какое-то время, а потом сказала что-то непонятное, забыв даже, что это она сейчас позвонила Сомову, а не он ей:

— Какого Гуся? Ты что, с Луны мне звонишь? Он же умер три года назад.

— Как умер? — не понял Сомов.

— Да так, очень просто, — объяснила Батищева. — Хапнул какой-то крупный заказ для фирмы, да решил его «в одну пачку» проглотить. Нашел где-то у черта на куличках фабрику, ну поехал туда, «втюхал» им его за полцены, а потом на радостях в гостинице водкой местной и траванулся. И все дела.

Сомов молчал. Он осторожно выглянул в окно. Нет, не Луна: вон скверик, вон фонтанчик. Вон какие-то галки или вороны. Вон кошка крадется за голубем. Вон дворник в оранжевом жилете, поднимая во все стороны пыль, метет дорожки.

— Сомик, ты здесь? — снова раздался в трубке голос Батищевой.

— Здесь, — ответил Сомов, а потом спросил почему-то: — А Динара жива?

— Динара? Какая Динара? — не поняла Батищева.

— Хатубеева.

— А, Хотьубеева? А что ей сделается? Жива, наверное. Почему я знаю?

Снова замолчали. Про Уфлянда или Ульфанда Сомов почему-то побоялся спрашивать.

— Ну ладно, Сомик, пока, — снова заговорила Батищева. — Приятно было поболтать. Смотри не пей много, а то опять кого-нибудь встретишь, или попадешь в эту самую тень на Луне, как Гусев.

И отключилась.

Сомов снова посмотрел в окно. Скверик и фонтанчик были на месте, дворник все еще подметал, только скинул свой оранжевый жилет, за галками да воронами не уследишь, кошка, отстав от голубей, примостилась на лавочке в тенечке и старательно вылизывалась.

Про Гусева Сомов старался не думать. И вдруг снова вспыхнуло в мозгу, словно сигнал семафора, сначала красный фонарь — Уфлянд, потом зеленый — Ульфанд. И будто раздался протяжный свист паровоза. Голова раскалывалась. Захотелось прилечь. Прилег, и будто и правда, очутился в поезде — почувствовал, словно вагон плавно тронулся и, покачиваясь, двинулся вдоль перрона. Поплыл перед глазами этот странный городок. Где-то на Луне. Долго он потом еще вспоминал его, даже хотел как-нибудь снова туда вернуться, да так за всю жизнь и не собрался.

В два часа дня, как и всегда, вернулась консьержка, та самая сонная женщина, заглянула в номер к Сомову, но не стала его будить.

29 сентября 2024 г.

Прозаик, эссеист, литературовед, переводчик. Родился в 1969 году в Москве. Учился в Медицинском институте им. Сеченова. Переводил с английского специальную литературу для издательства «Практика». Прозу, статьи, интервью и рецензии публиковал в журналах «Литературное обозрение», «Новое литературное обозрение», «Комментарии», «Зинзивер», «Химия и жизнь», газете «Книжное обозрение» и других СМИ. Живет в Москве.

ОБНАЖЕННЫЕ ДУШИ В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

О диалогии Александра Давыдова «Янус-2, или Тумор хуманоид»
(«Знамя» № 5, 2023) и «Обнаженная душа» («Знамя» № 4, 2024)

ШТУДИИ

*Сколько можно на полном серьезе мусолить
внешние признаки бытия?*

Саша Соколов

Повестями эти два текста можно назвать только условно, потому что перед нами образцы абсолютно своеобразного жанра, некоего синкретического повествования-размышления; медитативная проза, или как бы лирические симфонии, но не в смысле нарочитой музыкальности, а по принципу, — как композиционно, так и по глубине внутреннего звучания и качеству вдохновения, наконец. Слог абсолютно серьезный; хотя и вдохновенный, но ненапыщенный, остранный юмором. Словарь щедрый, многослойный и весьма индивидуализированный. Однако у Давыдова не слово элементарная единица текста, а мыслеобраз. Тут будет кстатии цитата из М. Эпштейна: «Опыт и сознание выстраивают картину жизни из таких надвременных, надсобытийных категорий — образов, понятий — которые уподобляют ее не повествованию, а энциклопедии. И тогда становится выразимо то, что невыразимо в жанре повествования». («Автобиография как повествование и словарь».) Если заменить энциклопедию на «музыкальную структуру», то как нельзя лучше подходит для описания этих двух сочинений Давыдова.

По замыслу автора и по существу, данные тексты образуют диалогию. В контексте же всего творчества Давыдова это как бы фракталы его

протяженной диахронической мистерии, — со всеми свойствами целого; вариации, частный случай сверхсюжета. А его кардинальная тема — становление бытийствующего субъекта, устремленного к Истине, где-то на прозрачной и обоюдопроницаемой мембране меж временем и вечностью.

Эти повести можно назвать «отчетом» о переселении души в истинную жизнь во всех его фазах и в разных ракурсах: «негативы» (апофатические истории с инвертированным героем) и «позитивы» (исповедания). Но надобно постулировать главное: они повествуют о внутреннем человеке в мире, увиденном через бинокль, как бы опрокинутый в смотрящего. И в этом принципиальное отличие от всех дескриптивных стратегий, от всех «реализмов», описывающих эмпирическую действительность фронтально, снаружи, лишь в четырех параметрах. И это, надобно сказать, бескомпромиссное письмо.

Полет в недра тьмы, в центр смерти, возможно, тьмы апофатической — не экзотическое приключение частного испытателя, поскольку нам всем неизбежно предстоит проследовать его путем. А сам автор в конкретном своем бытии первопроходец, гид, проводник. Он как будто пишет одну большую книгу — книгу жизни и смерти — в разных изводах, создавая персональный миф «странного странствия» во времени и из оногo... В системе авторского мировосприятия миф не сказка и не фикция, но некая первореальность, — художественная. Вот высокоточное определение мифа у А. Лосева: «Миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность».

В «Обнаженной душе» автор, вернее, его «бумажный герой», как Давыдов называет своих персонажей, словно прошедший сквозь призму гротеска, амбивалентен, и текст полисемантичен. Нет единственной, кардинальной интерпретации, которая бы его исчерпала, но древо вариантов, это как бы линейки нотописца/разлинованный тетради, чтобы там собрать урожай нот/смыслов в хранилище, так сказать, «накопительного понимания»...

Ни законы классической механики, ни постулаты релятивистской физики в духовном космосе не работают, прежде всего потому, что он не является этически нейтральным, по выражению самого сверх-естествоиспытателя. Ибо он — астронавт умного космоса, духовного космоса. Его миссия исполняется буквально: он выходит из тела, за грань земного существования. Каким же фундаментальным законам подчиняется духовный мир? Нравственным, то есть богоустановленным заповедям. Молитва — сердце полета. Она не произносится вслух словами, но негласно звучит в глубине текста. Молитва — его тайная душа. А душа его молитвы — покаяние, самое проникновенное в его голосе-логосе. Это — подлинное художество, раскрывающее подлинник человека.

Такова в общих чертах интегральная формула этой необыкновенной прозы, ее лейтмотема и глобальный вектор. Теперь перейдем к частностям. Космическому путешествию необходимо предшествует предполетная подготовка на земле. Проще сказать, «Обнаженная душа» — продолжение «Януса-2», экзистенциальное продолжение, следующая стадия: метаморфоза пишущего субъекта — повествующего субъекта, актора, — осуществленная в слове. Эти истории двуетапны, как и их герои. Янус-2 — это человек или не вполне человек, реинкарнация античного Януса, по крайней мере, воображающий себя таковой, пребывает в пограничном состоянии: на рубеже жизни и вечности. Его безымянный тезка из «Обнаженной души» сделает следующий шаг — в беспредметность...

В какой-то момент гонист, еще будучи прото-янусом, обнаружил у себя на затылке странное человекоподобное образование. Если это болезнь, то редчайшая, или даже несуществующая: нет в медицинских справочниках такой нозологической единицы, как

tumor humanoid. Поистине неслыханная, мифическая, а может, даже «мифекционная». Александр Давыдов ее описал первым, более ранних клинических источников не выявлено. «Вдруг на затылке обнаружился прыщик, непонятное новообразование. Пугающий прыщик рос быстро. Каждое утро он щупал его пальцами, вскоре обнаружив, что тот набух, будто налился кровью, и уже стал размером с детский кулачок. Приспособив два зеркала, мне удалось его разглядеть в подробностях. И только представьте, как был шокирован, обнаружив едва проклюнувшееся на затылке мятое младенческое личико. Выходит, я превращался в монстра. Подобных уродцев я когда-то видел в кунсткамере, двухголовых, четвероногих». Поистине необычный случай, даже небывалый.

Хорошая завязка для трагедийного действия с переменой счастья на несчастье, по Аристотелю. Но в дальнейшем мы наблюдаем не последовательность событий, присутствующих истории, если не считать естественного при всяком серьезном заболевании обращения к врачу, а как бы смену картин. Другая проблема в том, что не до конца ясно, в какой реальности совершается совершающееся или же кому все это снится... По сути, это новорожденный, — а вернее, зарождающийся на наших глазах «ремиф» о Янусе в новом временном контексте, но без его культовой составляющей. Чистая фантазия, эндогенное кино! И притом, приотворяя двери своей «креативной комнаты», автор демонстрирует самый процесс мифотворчества, приглашая к соучастию в нем. Перед нами не высокоумная тайнопись для «посвященных», хотя таковой некоторым может и представиться в оптике «наглядного реализма». Но тут реализм метафизический. Это открытая система, обращенная к читателю, а не герметичный, на себя замкнутый квазимир.

К преклонному возрасту тело стирается о наждачную поверхность бытия, а душа устает от жизни. Кажется, что все уже было (синдром истощенности времени) и ничего нового не предвидится. Но это полбеды, главное, что жизнь уперлась уже в конец перспективы, в точку схода на нет, где неминуемый конец всему и полная бесперспективность. Из этого состояния Янус взирает на параллельно ветшающий вокруг универсум. Впрочем, он, кажется, склоняется к тому, чтобы перезапустить космогонический проект заново и, возможно, в уме повторял уже не раз и не два творящие слова...

Что ни говори, а младенец, появившийся на свет в результате внутричерепного почкования — источник новой жизни для своего носителя; он оживил в нем дремлющие потенции. Говорят, что одна голова хорошо, а две лучше. Оно, конечно, так, но в данном случае это требует фактологического обоснования. Чем разрешится янусический звукоряд, мажорной или минорной нотой? Пожалуй, в рамках паранормальной медицины тумор хуманоид как клинический феномен вовсе не патология, а вариант нормы, парадоксально естественный человеку на финальном отрезке жизни, но даже Лекарь — еще один таинственный персонаж «снодействия», — с этим, вероятно, не согласился бы, пусть и сам он какой-то не вполне каноничный адепт — официальной или альтернативной? — медицины, натура поэтическая и притом философ, хотя и дилетант (вольный мыслитель), но «с проблесками гениальности».

Возможно, Янус с его бицефалией — визуализированная метафора человека во времени. А может быть, младенец на затылке — это зародыш вечной жизни, который вполне сбудется, лишь когда его «платформа» (патеринская плата) естественным образом отомрет? Нет однозначного ответа.

Так что же все-таки, эта «высокая болезнь», — размышлял Янус передней своей головой, — патофизиологический факт, метафизический недуг или высшее призвание? Или, может, насмешка второстепенного демиурга?

Коллизия, отдаленно напоминающая борьбу Джекила с Хайдом, но без их нравственной поляризации.

Наконец двухголовый герой решает обратиться к уже помянутому Лекарю. Надо сказать, что беседа с ним у него не заладилась: тот собирал анамнез в стиле Порфирия Петровича. Можно предположить, что Лекарь как бы вочеловеченное альтерэго Януса-2, неизбывный друг-соперник, собеседник-оппонент. Его Другой, кривое онтологическое зеркало. Но Лекарю еще и сопутствовала некая Женщина. Можно гадать, кто же она? Женское начало вселенной? Артемида безбрачия или конкубина-соратница? Лекарь назвал ее ассистенткой. То есть жрица Эскулапа? Она — словно разночинская мадонна третьей молодости, представляется скрытым источником теплового излучения в чисто маскулинном синематографе — в потоке киновидений. Матовая лампочка милосердия в темной зале: сказано, что она агукалась с младенцем, как завзятая мамаша.

И все же у Януса явилось чувство, что они оба ему готовят какую-то «медицинскую подляну» (из лучших намерений, конечно), вроде хирургического разъединения его удвоенного естества. В результате, он решил попросту сбежать, не побоявшись выглядеть струхнувшим неудачником. Кстати сказать, отцы-пустынники учили, что бежать от искушения не зазорно, если нет иного способа уклониться от греха, от большего зла...

Он бежал из квартиры на улицу, в город как вынужденный эскапист, переселенец из будущего. Однако то был очень странный город. Город — ловушка памяти, окаменевшая ностальгия, кенотаф детства. Но вырваться из лап эскулапа Янусу не посчастливилось. Лекарь, вместе со своей напарницей туманного назначения, последовал за ним и преследовал его неотступно. Причем Янус не узнавал места своей локализации. Его родной город изменился и выглядел как суггестивная греза. «Город мне показался пластичным, он слегка кривился и будто ежился, как от утренней прохлады. Его ландшафт казался не сугубо пространственным, а с оттенком субординации (своего рода, концептуальная перспектива): его детали соседствовали не произволом неведомых градостроителей, а располагались по степени важности для меня, своей, можно сказать судьбоносности (оттуда и асинхронность)... Притом, Янус оказался словно блуждающим центром сего урбанистического монстра».

Это оказался ретроспективный город, ретроградный, как ностальгия, затвердевший в своем совершенном виде, сфокусированный затылочным зрением младенца, обращенным в прошлое. Этот как бы тезаурус прошедшего времени, идеографический словарь детства, по Эпштейну: «Если нарратив — это временной срез жизни в последовательности ее событий, то тезаурус — это континуум событий, одновременно предстоящих сознанию, где содержание жизни развернуто в виде всеобъемлющего «каталога» людей, мест, книг, чувств и мыслей... Но если нарратив описывает историю жизни, то тезаурус — ее картину». («Автобиография как повествование и словарь».)

Итак, образовалась комбинированная реальность, как обрастает пузырьками виноградная гроздь на дыхательной трубке дайвера. Изначальный город детства — словно островок в мыслящем океане времени, кишашем архетипами будто коллективное бессознательное. События прошлого оказываются равноудаленными от настоящего и лишь по их субъективной значимости можно различить бывшее вчера от бывшего жизнь назад. Об остановившемся времени лучше Януса не скажешь: «Иногда ему хотелось воскликнуть: “Замри мгновение, замри жизнь, ибо ты прекрасна и не надо мне лучшей!” Но, разумеется, та и не думала замирать. И это благо, ибо лучше корявая жизнь, чем совершенная смерть».

Поначалу город, как сгущенная тень себя самого, представился Янусу нежилым, измертвевшим. Это произведение градообразующей ностальгии не выглядело пригодным для жизни. Оно безжизненно и походит не на воскресенного Лазаря, а скорее на зомби, про-

межуточную и жутковатую форму смерти, потому что новой жизни в нем уже нет, а старая словно вымерла. Не состоит ли его миссия в том, — опять рассуждает чудаковатый Янус-2, воображая себя истинным Янусом, — чтобы, грубо говоря, переделать изветшалый университет, продолжая работу предшественника? (Как известно из античных источников, Янус изначально титуловался демиургом, но потом уступил место верховного иерарха Юпитеру. Он почитался как покровитель всех начинаний, дверей, входов и выходов. Атрибуты — посох и ключи.)

Действительно, новый Янус «был готов признать осень своей жизни осенью мироздания». Но прежде чем образовать из хаоса космос, любой янус призван преодолеть хаос в себе. «Не каждая ли человеческая особь преобразует хаос своего начального бытия в какой-либо мир, пригодный для существования, в меру своих талантов и воли? Правда, у него есть незванные помощники, родные души, стоящие у его колыбели, хоть и нежные, но редко талантливые, часто сбивающие с толку». Эта сентенция отчасти перекликается с лакановским утверждением, что бессознательное — это дискурс Другого.

Янус ищет способ прорваться в подлинно первичное, богоданное бытие. И хотя он, конечно, несколько мизантроп и бука, немножко чудаковат в положительном смысле, зануда, сухарь и брюзга, но в действительности человек не злой и сострадательный, только глубоко изможденный жизнью, *homo tragici*, человек на исходе. Вот как он сам себя презентует с непринужденным покаянием: «Янус впрямь обладал в полной мере таким второсортным достоинством, как справедливость — к себе самому, людям и вообще окружающему миру. Он настаивал на этом свойстве, компенсировавшем недостаток любви и милосердия». Не всякий это сознает и признает.

Видя перед собой неуклонно сходящую на нет бесперспективность конкретного будущего во времени, Янус словно ищет вечную жизнь в прошлом и через таинственную дверь в конце концов обретает онтологическое освобождение, самоосуществляется. Он входит, верней, проникает, как волновое явление, в один из домов фантазмагорического города и оказывается в туннеле — в туннеле между мирами, откуда выходит прямо в вечность, в нескончаемое бытие, в абсолютный миф. Он на наших глазах сбывается в вечность, но пока не сбылся вполне. Это еще потенциальная вечность, прообразовательная. Да будет каждому по вере его! Какова же вера Януса? Я бы охарактеризовал его *credo* как гибридное, монотеично-пантеистическое. И мыслит он себя в этой двоякой системе смыслов. Тумор хуманоид — это своего рода откровение, сверхъестественный артефакт. От кого? Напрямую от Бога? Вряд ли. Скорее, от автора. Но автор как бы мультисубъективен и говорит разными голосами многих персон. Так на наших глазах зарождается универсальный, будто надличностный миф.

Финал повести — это как бы апотеозис, обожение Януса, словно он исполнился и обрел себя в своей супрематической ипостаси. Но по существу это лишь прообраз и обещание истинного «сбытия». Выталкивая в последней картине выдвижной дланью солнце из храма-ангара, он как бы подтвердил свою «теичность», янусическую идентичность: удостоверяет личность Януса, но на будущее все же «не доосуществился». Повествование закончено, но это не конец жизни, а видение судьбы в запредельности.

О сочинениях Давыдова в целом надлежит здесь сказать нечто еще. Они составляют собою некий единый свертхтекст. Не представляется возможным выявить их литературный источник, прямого литературного предшественника. Несмотря на богатый культурный заряд, кажется, что они порождены не культурой, но имманентны сами себе, сами создают свой контекст, *id est*, не обусловлены предсуществующей словесностью, а произошли из глубины жизни, на той бытийной глубине, где встречается личное и внеличное, взаимно

перетекая друг в друга. Он прислушивается к душе музыки, и ему звучит извечная *musica mundana* и *musica humana* — гармоническая сущность жизни. Но его партитуры требуют сотворческого усилия, потому что произведения Давыдова созданы, именно для читателя, хотя, возможно, требуют некоторой подготовленности и комплиментарного внутреннего устройства. Давыдов, по собственному признанию, не задействует законспирированные, потаенные контексты. Универсально только Евангелие, а писатель, и самый добросовестный, способен создать лишь апокриф, как писал некогда сам Давыдов в одноименном произведении. Эти его апокрифы, как и их, как я уже сказал, герои всегда устремлены к Истине — истинны в своем устремлении. Это их приоритетное качество.

Несколько установочных положений для анализа второй части диптиха.

Мытарства — («таможенные посты») — посмертное испытание души, обнаруживающее ее нравственное состояние, совершаемое перед оком Беспристрастного Судьи, при непосредственном участии ангелов и демонов, влияющее на определение Частного Суда.

Митрополит Макарий (Булгаков) о состоянии души после смерти писал: «Должно, однако, заметить, что, как вообще в изображении предметов мира духовного для нас, облеченных плотию, неизбежны черты, более или менее чувственные, человекообразные, — так, в частности, неизбежно допущены они в подробном учении о мытарствах, которые проходит человеческая душа по разлучении с телом. А потому надобно твердо помнить наставление, какое сделал Ангел преподобному Макарию Александрийскому, едва только начинал речь о мытарствах: “Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных”». («Православно-догматическое богословие».)

Надобно различать, как писал о. Серафим (Роуз), видения иного мира и настоящие случаи выхода туда «из тела» (опыт мытарств и многие из современных «посмертных» опытов явно принадлежат к последней категории).

В подзаголовке повести «Обнаженная душа» автор определил свое произведение как «юмористический монолог», обращенный к неизвестному другу, то есть некоему интегральному собеседнику. И то не просто друг, а необходимый как бы противополож полюс речи. Согласно М. Бахтину, «событие жизни текста... всегда развивается на рубеже двух сознаний».

Правильно рассматривать онтогенез личности в перспективе вечной жизни или смерти, не замыкаясь во времени, продлевая существование за грань гроба, и перед нами как раз — художественное доказательство бессмертия души. Почему? Да потому, что так оно и есть, и душа не умирает по разлучении с телом. В каком-то смысле означенный аноним, Неизвестный, X — это имаго Януса, выпорхнувший из кокона. По отношению к истинному автору они подобны позитиву и негативу. X явственно катафатичен, Янус — воплощенное, а вернее идеофицированное «доказательство истины от противного», — от противного (отчасти) истинному Боговерию и Богопознанию. Здесь мы видим нефабульное повествование, то есть не образованное последовательностью событий. Тут последовательность видений и размышления со своим внутренним сюжетом, коллизиями, узловыми точками и сквозным течением.

Мы увидели пред-изображение Януса в вечности, теперь же начинается осуществление его онтологический потенциал. Именно об этом повествуется: душа вышла из тела и существует как чистый субъект, в то время как неодушевленное тело лишь с отпечатком субъективности продолжает существовать подобием андроида, биоробота. Это продолжение единой судьбы интегрального близнеца в метафизическом контексте. Такова, на мой взгляд, взаимосвязь двух повествований.

Почему же нарратив пишущего субъекта наименован юмористическим? Ведь тут, кажется, смешного мало: откинуть плоть, эту смиренную рубашку для души — шаг более, чем серьезный...

Юмористичность — это свойство авторского «литерэго», его мировосприятия и писательского метода, как и скрытая диалогичность. Это типично давидовский формат: его монологи диалогичны по существу и как всякое подлинное художество полифоничны. А еще — полисемантический текст при прочтении порождает множественные интерпретации. Диалогичность в тексте может и не выражаться напрямую в форме драматургических диалогов, обменов репликами, но лишь — столкновением речевых потоков. Оттого и обращение к Другу, любимому Другу (вовсе иному, чем навязчивый друг-соперник первой части дилогии). Объединяющим оба начала, диалогичность и юмор, является ангел-ангелочек — несколько сниженный образ сопутствующего Ангела, кто инициирует и со всей ответственностью творит беседу словами, молитвой, со-действием.

И наконец «юмористический монолог», возможно, — отдаленная отсылка к «божественной комедии». Это тоже, как писал о. Георгий Чистяков, «*commedia spirituale*, или «духовная комедия». Так в средневековой Италии назывались разыгрывавшиеся на уличных подмостках пьесы о том, какие испытания претерпевает после смерти человека его душа.

Любопытно, что вместе с остаточной «душевностью» эмансипированное тело героя повествования унаследовало умеренный литературный дар, или, по крайней мере, зуд. Его беллетристические опыты, как предполагает автор, могут оказаться вполне успешными среди ему подобных, то есть в той или иной мере «обездушенных». Подобное вообще приравнивается к подобному...

Смирение бывает горделивым, но в «Монологе» нам преподается образец как раз смиренного смирения, сознающего свою меру и не покушающегося на симуляцию сверхъестественных состояний, как это бывает у мечтателей, а кончается иногда психушкой, — ненарочитое, скромное, искреннее. Но если смирение доминанта, то покаяние — душа его. «Ну, если не быть к себе слишком строгим, то все ж наберется какая-то позитивная мелочь — горстка верных поступков, порывов искренности, даже и благородства (можно прибавить еще целый вагон благих намерений), но все это среди мусора нелепых поступков, своекорыстия, хотя и не материального, и других плодов себялюбия, дурных страстей, нанесенных людям обид вольно или невольно, и прочих издержек, коих немалый список, который вовсе не хочется оглашать публично». Вот подлинник покаяния от лирического героя.

Еще зафиксирую, что повесть — массовое гнездилище крылатых выражений. Вполне репрезентативно такое: «Я вновь убедился, что избавившись от тела, тем не избавился от себя».

Так что же происходит с лирическим героем в пространстве данного текста? Это очень интересная метаморфоза, превращение человека в чистое имаго, развоплощенное, но не вполне свободное от благо- или неблагоприобретенных в телесной жизни свойств. Однако избавление от тела не избавляет тотчас от страданий!

Внутреннее побуждение «сложить с себя» тело у героя не сразу осуществилась, но со временем автор-герой-рассказчик обнаружил себя чистым субъектом, сгустком субъективности, не отображающейся в зеркале визуально. Не акт ли это своеволия, эскапизма? Не дезертирство ли? Совесть как орган души, конечно, остается при ней и в бестелесной фазе существования (излагаю упрощенно лишь основные вехи сюжета и самосознания). Для него началась новая жизнь. Нет, скорее, иная.

Вводный образ повести, экспозиция — закат над городом у западного окна. Западное окно — окно смерти, город — место отчуждения. Вообще запад в церковной гимнографии — это страна богооставленности, предельного богоудаления, тогда как Христос — это Восток

свыше (Майринковские коннотации я умышленно помещаю в скобки, пусть с ним разбираются специалисты, но общий смысл таков)... Этот символ — ключевой для повести, это, так сказать, ее виолончельный ключ. Возможно, с его помощью мы приоткроем неочевидные смыслы.

Вопрос антропологический: если человек по природе двусоставен, можно ли считать вполне человеком душу без тела? Онтология должна отвечать в своем ракурсе — утвердительно. Бестелесная энтелехия не сразу выявилась. Отбросивший стартовую ступень, своего «носителя», субъект ищет свою «оперативную линию» в мире идей, но и всматривается в оставленное тело, которое, в нашем случае, против ожиданий, не умерло, не превратилось в труп, а ведет какое-то бездушное существование словно «голем», биоробот человека — как бы персонификация жизни, изжитой до последней капли душевности, ее ходячая пародия. Я очень упрощаю, и мой редукционизм, как думаю, извинителен.

Но — вопрос, где путешествие обнаженной души совершается? Небо царственное — внутри нас. Это значит, что вход в Царство Небесное — в сердце, там его залог. И погружаясь в себя, герой поднимается выше, углубляясь в себя, он продвигается в своем постижении небесной жизни при помощи неотступного ангела, причем, не теоретическом, абстрактном, а конкретно-практическом — его проживая.

Прежде всего он ощущает отчуждение от временной жизни и это внутренний движитель его «развоплощения», двигатель внутреннего выгорания, коль можно сказать. На своем пути он проходит на взлете в мысленное небо, череду небесных сфер, как фотоснимок окунается в лотки с проявителем. Небо воздействует на душу, насыщая светом «визиопроектор», кинескоп воображения, проецируя испирирующее небо в образы на экран умозрения.

Первую часть повествования, околоземную, излагаю сжато, с большими пропусками, хотя она не менее важна, чем дальнейшее. Вторая же часть — наиглавнейшая, как мне представляется. Первоначальная небесная сфера — «детский» космос, космос мифологический, когда личное детство и детство мира совпали. Он принципиально отличен от космоса научного, релятивистского, бездонного, темного, и главное, этически нейтрального. Это сказка и поучение!

Затем взору «вовлеченного наблюдателя» открывается некий следующий уровень — как бы хрустальная сфера, которая, однако, нецелокупна, а прохудилась, растрескалась. Но нечто более важное, по-моему, более изумительное восходящая душа усматривает не вовне, а внутри, в себе. Вот подлинная драгоценность, та евангельская жемчужина, которая в очах Божиих дороже всех прозрений и озарений, та драгоценность, на какую приобретается вечное спасение души: самопознание при свете истины, рождающее покаяние! Поистине душа готовится предстать Богу, идет к Нему, а не от.

Затем, при дальнейшем восхождении, ведомый ангелом «бестелесный субъект» оказывается в странном пространстве, которое и описать-то нелегко... Обветшалое, «ничем не украшенное»... Это словно кладовка с максимальной концентрацией существования, как описывает ее свидетель, словно колодец памяти, колодец ностальгии.

Не скажу, каким путем, — ибо ход прогрессивного размышления был поступательным, — но, высвободившись из «экзистенциального изолятора», как бы ловушки, они с Ангелом очутились в нижнем небе, где внутреннему взору открылась почти идиллическая картина. Так сказать, в образах народной иконографии. Однако звучания небесных арф «бестелесный летчик» лишь старается услышать, но его не слышит. Видимо, еще не готов, как он сознает, и это абсолютная кульминация. Именно тут полет вдруг пресекся. Зане все уже совершилось положенное на сегодня! Видения развеялись, и повествователь вновь оказал-

ся в точке взлета, у западного окна. Эксперимент завершен, но жизнь еще нет. Продолжение воспоследует.

В западном окне догорает закат и никак не прогорит. Благой ангел за правым плечом — неотступный страж спасения. Цикл замкнулся.

Что же произошло? Как охарактеризовать описанное? Как оценивать? Возможно, как вполне удавшуюся репетицию. Репетицию посмертных мытарств. Мытарства — тоже образ, таинственный образ неопишуемых рациональным языком посмертных испытаний, через изменение внутренних состояний, выявляющих правду о человеке. Частный опыт честно претворяется в случай из истории человечества, из его духовного анамнеза. В этом таинство и оправдание лирики.

В диалогии Давыдова много, много скорби. Кто пожил на свете, ее поймет. Не будет натяжкой сказать, что это прощание с жизнью, хотя и не точка в ее конце. Предварительное прощание. С возрастом изменилась модальность вдохновения автора, словно буйство струнного оркестра претворилось в большую органную фугу с ее мернозвучными раскатами. Музыка зрелости напоминает именно орган и успокоившееся море...

Очевидно, что нам явлена поистине изящная словесность. Впрочем, автор не гонится за красотой, чтоб в итоге словить лишь красоту, но еще раз подчеркну: всей душой взывает истины. Истина же естественным образом порождает красоту. Истина спасает, красота утешает... В диалогии содержится истинное поучение о самых главных и последних вещах нашего бытия, преподается образ и образец — для меня в точности так! — покаяния и смиренномудрия, при этом чуждый всякого учительствования, претенциозного дидактизма.

Астронавт удаляется в открытый хаос, который, по обетованию, будет преобразован в космос праведных. Смерть упразднится, и настанет вечная жизнь для всех, кто сподобится. Он продолжает присылать сообщения, насущно необходимые нам. Но вторая разлука неизбежна. Нестерпимо больно думать, что в какой-то момент связь оборвется. Однако... для мысленного сообщения двум субъектам нет надобности в радиоаппаратуре и столоверчении, в каком-либо вещественном пособии. Мысль быстрее скорости света! В этом плане не существует времени и расстояния, и смерти уже нет.

**Гавриил Маркин, «Ремесло невидимости и оборотничества»
М.: Вест-Консалтинг, 2024**

Есть нечто старообрядческое, истовое, невероятное в графическом звучании черно-белых, рьяной силой пропитанных строк:

черный лес был распахнут
правдой отреченных книг

за день до того
как все ветры марта стали нами

Книга стихов Гавриила Маркина «Ремесло невидимости и оборотничества», вышедшая в издательстве «Вест-Консалтинг», пропитана субстанцией своеобразной сложности; даже название заставляет задуматься о поэзии как о силе современной алхимии, не столько работающей с веществами, сколько — с содержанием душ.

История раскрывается суммами тончайших связей — всего со всем, современности с вечностью, ни один листок бытия нельзя потерять:

На острие иззубренного листа крапивы
дрожит мгновение,
когда еще помнит самый прекрасный
из своих снов Бертран де Борн:

на верхушке дуба стоит прямой
как башня спешенный всадник,
и листва не расседается под ним, у корней
сидит отрок с розоватым нимбом...

Необычность видения поэта завораживает; и тончайшая связь между иззубренным листом крапивы и словно сквозь витражи идущим словесным светом приоткрывает тайны мира, которые до конца не познать. Однако поэзия может предложить варианты подобного познания.

Гавриил Маркин многое собирает в коробе одного стихотворения:

Давно и совсем уже белый
под дождями страны ливов
лежал череп, в одной глазнице жил уж,
в другой — мышь, сквозь неплотные швы
с балтийской росой сквозили улитки
и холод;

а по золотому небу
катали на колесах нимбов
отцы-аскеты и отцы-учителя.

Густотканная плоть стихотворения переливается византийскими тканями; нимбы вспыхивают на солнце духа, не объясняя процесса наработки сияния.

Вести верлибров Гавриила Маркина разносятся широко; вибрируют строки, рассекая воздух обыденности:

видеть
поводырей солнца сквозь сбывшиеся ладони
больней на число
шпал до начала ~ г

де в тактильных объемах зимы
снег носил мою кожу
мною вовнутрь...

Все уходит вовнутрь, к себе, к расшифровке себя; невидимость — таким образом — обретает своеобразные формы, а оборотничество снова играет алхимией, растит многообразие ракурсов, используя которые, можно посмотреть на явь.

К предельной емкости тяготея, Гавриил Маркин рисует золотящиеся картины таинственными красками:

ах как долго и просто
в золотой бесконечности
облетали березы
вслед за полетом пчелы...

Космос поэта сливается воедино с космосом вселенной. Так рождается настоящая поэзия.

Александр БАЛТИН

**Нина Краснова, «Поэтика Евгения Степанова
на примере книги "Младший брат травы"»
М.: Вест-Консалтинг, 2024**

Монография Нины Красновой посвящена сборнику стихов Евгения Степанова «Младший брат травы». Этот сборник, вышедший в 2023 году, собрал лучшие стихи поэта. Чередуя регулярный рифмованный стих и весть верлибра, Евгений Степанов всегда предельно искренен и откровенен и открывает людям свой внутренний мир, простертый в космос...

Нина Краснова, исследуя книгу Степанова, подходит к делу глобально, для начала уточняя отношение к литературе:

«...Меня всегда удивляло и удивляет некое общепринятое разграничение таких понятий, как "литература" и "искусство". Например, когда говорят о представителях культуры, что они — "представители литературы и искусства". Как будто искусство — это только музыка, живопись, скульптура, балет, танец, театр, кино, цирк, а литература — не искусство. Но литература — это тоже искусство! Искусство поэзии и прозы, искусство Слова! А высшая форма искусства Слова, высшая организация речи — это поэзия, символ красоты...».

О, разумеется так, а искусство — от слова искусный, и искусность, меру мастерства Евгений Степанов демонстрирует щедро, граня и чеканя строки, стремясь к предельному сжатию оных, к максимальной емкости, которой успешно достигает.

Лапидарность Степанова — мускульно-музыкального свойства, особая, лучевая, пронизанная корневой оригинальностью: ни с кем не спутаешь.

Нина Краснова, погружаясь в пласты недавней истории, вспоминает и широкие дискуссии о поэзии, когда она была социально-значимым феноменом... Как так получилось, что перестала быть таковой?

Но у Евгения Степанова — все получилось. Книгой «Младший брат травы» — особенно концентрировано. Что главное? Главное то, что получилось сказать свое слово: неповторимое, многогранное, своеобразное.

Краснова исследует социальность и гармонию степановского стиха, его одновременное тяготение к вечности и актуальности, скорее — к актуальности, рассмотренной через призм и окуляры вечности.

Щедра в цитатах, Краснова анализирует тончайшие нюансы поэтической ткани, созданной Степановым, тонко проводя грани между просто стихами и поэзией:

«А что значит — быть поэтом? Это, как считает Степанов, не обязательно писать стихи, а это значит — чувствовать все хорошее и прекрасное и нести все это в "форме света" в своей душе и излучать этот свет и дарить людям. Есенин говорил, что "быть поэтом — это значит... петь по-свойски, даже как лягушка"».

Петь по-свойски...

Евгений Степанов именно это и делает — словно и в траву саму перевоплощаясь, и социальные явления воспринимая сердцем сердца, и аккумулируя тончайшую энергию мудрости.

Краснова исследует рифмы Степанова: он часто дарит читателям необыкновенные, новонайденные созвучия, добывая необычные, запоминающиеся рифмы в золотоносных жилах языка.

Составные, усеченные, анаграммные, точные и неточные, ассонансные — весь диапазон использует Степанов, насыщая стихи свои предельно богатым звуком; не говоря о внутренних рифмах, всегда служащих торжеству гармонии.

Евгений Степанов стремится к освоению всех возможных поэтических полей. Отдельно исследует Нина Краснова столь своеобразное поэтическое явление, как одностишия — в исполнении Степанова, разумеется.

О, здесь нужна предельная концентрация мысли и... особый способ чувствовать — только значимые слова, только вершины смысла.

Отдельно — альфа чувств, любовь. Здесь, изучая оную тему в трактовке поэта, Краснова деликатна, поскольку речь пойдет о трагедии поэта, о том, как смерть вплетается в любовь, не отменяя, но продолжая оную.

Логично, что следующая глава монографии Красновой посвящена теме смерти, разработанной Степановым: он демонстрирует здесь виртуозность мудрости, словно — фибрами сердца — ощутив бесконечность жизни и стремясь благородно заразить этим ощущением читательскую аудиторию.

Разнообразно проанализировав книгу Евгения Степанова, Нина Краснова логично завершит свое исследование подборкой стихотворений — тех, что исследовала, закруглив (ведь круг — символ мира, своеобразный знак совершенства) таким образом свой трактат о ярком современном поэте.

Александр БАЛТИН

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 17.12.2024
Подписано в печать 27.12.2024